

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (71) / 2020

2 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатъева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан) (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатъев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Валериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябринович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Беларуссия),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия
E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

*Крыкбаева С.М.,
Абдурахманова Г.А., Бакирова Л.Ш.*
АРХЕТИПЫ И ОБРАЗЫ КАЗАХСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ.....4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цховребова М.В.
ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС “ÆГЪДАУ” (MOS MAIORUM) И
ПОСВЯЩЕНИЯ НАРТИАДЫ8

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Уварова О. В.</i> НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ЗВУКООБРАЗОВАНИЯ НА ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ.15	<i>Солопова Н.А., Мещерякова Т.С., Щепкина Н.Н.</i> КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА23
<i>Фазилова Г.А.</i> ПРОВЕДЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА17	
<i>Жабборова Д.Ф.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ20	

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Vlasova A.A.
OCCUPATIONAL STRESS AND PERFECTIONISM
AMONG PRIMARY AND SECONDARY SCHOOL
TEACHERS IN RUSSIAN SCHOOLS27

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Савицкая Е.В.</i> К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ32	<i>Федосеева Л. Н., Алексеева Т. Е.</i> СЛОВА С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА35
---	---

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Pirnazarov N.R.</i> INFLUENCE OF VIRTUAL REALITY ON THE SPIRITUALITY OF INFORMATION SOCIETY41	<i>Алишеров Ч.Б.</i> ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА И НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ46
--	--

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 75.03

18: ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

АРХЕТИПЫ И ОБРАЗЫ КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.583](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.583)**Крыкбаева Сара Мукашевна***Канд. искусствоведение, и.о. асс. профессор
кафедры Профессионального образование,
г.Алматы***Абдурахманова Галя Алимгазиевна***Магистр, старший преподаватель
кафедры Профессионального образование,
г.Алматы***Бакирова Ляйля Шораевна***Магистр, старший преподаватель
кафедры Профессионального образование,
г.Алматы*

АННОТАЦИЯ

Цель. раскрывается искусствоведческий анализ архетипов и художественных образов, отображающих казахскую национальную культуру в живописных произведениях современных художников Казахстана.

Выявлена пути искусствоведческого анализа наиболее характерные архетипы и художественные образы казахской национальной культуры, которые раскрывают в своих авторских живописных произведениях современные казахстанские художники. Предполагается типологический метод в изучении развития современного актуального искусства в Казахстане. Обосновано возрождение традиционного мировидения в современном искусстве Казахстана.

Научная новизна связана с историко-искусствоведческим анализом символизирующих, этнознаковых функций культуры на основе реконструкции знаково-символической системы изобразительного типа, посредством которой дана интерпретация различных видов современного искусства (contemporary art) Казахстана Современное искусство Казахстана характеризуются интеграцией различных видов, жанров и стилей, при этом освоение мира новыми средствами осуществляется посредством знаков и символов, сложившихся в контексте традиционной культуры.

Проведенный искусствоведческий анализ свидетельствует о том, что знаково-символическая система тенгрианской картины мира активно и достаточное полно претворяется в различных видах и жанрах современного искусства Казахстана. В творчестве современных художников наряду с геометрическими используются знаки и символы анимального мира (растительные и зооморфные), актуальные в аспекте экологии культуры, как ответ на глобальные вызовы современности. Результаты имеют значимость для теоретического и практического осмысления рассматриваемой проблемы, в частности, для углубления описания и анализа произведений искусства казахстанских художников, а также для дальнейшего систематического анализа работ с элементами архетипических мотивов и мифологических образов. Материалы статьи могут быть использованы в учебных курсах художественных факультетов и специальностей

ABSTRACT

Background. reveals art analysis of archetypes and artistic images reflecting the Kazakh national culture in the paintings of modern artists of Kazakhstan The ways of art history analysis have been revealed for the most characteristic archetypes and artistic images of the Kazakh national culture, which are revealed by modern Kazakhstani artists in their paintings. A typological method is suggested in studying the development of contemporary contemporary art in Kazakhstan. The revival of the traditional worldview in the modern art of Kazakhstan is justified.

Scientific novelty is connected with the historical and art history analysis of symbolizing, ethnosign functions of culture on the basis of reconstruction of the sign-symbolic system of the pictorial type, through which an interpretation of various types of contemporary art of Kazakhstan is given. Contemporary art of Kazakhstan is characterized by the integration of various types, genres and styles, while the development of the world by new means is carried out through signs and symbols established in the context of traditional culture.

The performed art history analysis indicates that the sign-symbolic system of the Tengrian world picture is actively and quite fully implemented in various types and genres of modern art in Kazakhstan. In the works of contemporary artists, along with geometrics, signs and symbols of the animated world (plant and zoomorphic) are used, relevant in the aspect of the ecology of culture, as an answer to the global challenges of our time. The results are significant for theoretical and practical understanding of the problem under consideration, in particular, for

deepening the description and analysis of works of art by Kazakh artists, as well as for further systematic analysis of works with elements of archetypal motifs and mythological images. Article materials can be used in training courses of art faculties and specialties

Ключевые слова: архетипы, художественные образы, творческая деятельность, сюжетно-композиционная закономерность, символ.

Keywords: archetypes, artistic images, creative activity, plot-compositional regularity, symbol.

Отечественные художники сегодня по-разному ориентируют свое творчество: на актуализацию мифологии, на попытку провести взаимосвязь между национальным достоинством и наследием европейского авангарда; некоторые стремятся избавиться от консервативной выучки академических школ живописи, графики. Вместе с тем, художников объединяет желание познать и открыть в знаках и символике традиционного искусства ценностно значимые для кочевника философские понятия.

При этом важным становится опыт осмысления культуры человечества, различных культурных форм. Так, многие мыслители уже к началу XX столетия приходят к выводу, что по существу нет единой, непрерывной всемирной истории культуры. Содержание, смысл каждой культуристорической эпохи не сводимы друг к другу и не выводимы друг из друга. Глубинное смысловое ядро таких эпох глубоко своеобразно. Такой методологический подход делает исключительно плодотворным обращение к исследованию традиционной культуры как к одному из возможных источников построения новой культуры Казахстана.

Архетип можно интерпретировать как универсальный символ, не теряя своего основного звучания в разных ситуациях. Поиск и первоначальное описание ведущих архетипов и праймериз той эпохи - это не только философия, но и культурология, и задача истории искусства. Поэтому целесообразно выявить специфику влияния архетипических мотивов на формирование художественного, эстетического и научного знания.

Архетип определяет определенный способ видения, восприятия и понимания мира. Отдельные архетипы в этом универсальном архиве обеспечивают трехмерное представление, которое позволяет объекту и его явлениям быть понятыми во всех отношениях.

Истоками формирования понятия «архетип» послужили философские учения Платона, Аристотеля, западно-европейских и отечественных мыслителей Р. Декарта, И. Канта, Гегеля, К. Юнга, Э. Кассирера, П.А. Флоренского, О.М. Фрейденаберга. В своих исследованиях К. Леви-Стросс, М. Элиаде, Г. Франкфорт рассматривали систему мифов как особый тип мышления, противостоящий историческому и естественно-научному типам мышления.

Проведен анализ взглядов историко-философской мысли на понятие образа и символа как центральных категорий конструирования реальности в искусстве. Было показано, что основой конструирования реальности в искусстве

являются архетипические мотивы и мифологические образы, выраженные посредством символов и знаков культуры. По утверждению философов следует, что символы являются средством понимания мира. И понятие «символ» есть категория постижения культуры, без которого невозможно воссоздание традиционного искусства.

Исследователями казахской духовной культуры определена роль мифологии и легенд казахов в формировании этнокультурных первообразов. Показано, что сюжеты казахских мифов и легенд - это сложнейший конгломерат различных эпох и племен, отголосков родового и племенного строя, отзвуков разнообразных религиозных воззрений.

Мощное влияние научно-технической революции на прогресс современной культуры привело к рождению новых форм художественного творчества и методов художественного познания. В поисках новых путей художники, глубже проникая в природу чувств, врожденных идей и чистого разума, все чаще стали обращаться к архетипам, как к первобытным формам постижения внешнего мира. Представлены основные течения изобразительного искусства, где наиболее ярко проявляются архетипические мотивы в живописных полотнах современных художников Казахстана.

Современные художники используют богатый арсенал архетипических мотивов и национальной культуры в своей работе для создания образа. Художники должны искать новое, глобальное восприятие мира через психологию, философию и мифологию, и все направление превращается в прототип внутреннего мира.

Отечественными и зарубежными исследователями показано, что наскальные рисунки выступают в качестве художественного портрета национальной культуры казахов и говорят о существовании на протяжении длительного времени на территории Центрального Азии своеобразного и крупного очага художественной культуры. Эти памятники являются источниками символов, образов, знаков для современного искусства.

Современное искусство казахов за основу построения композиции использует архетипические мотивы и мифологические образы из наследия этнокультуры Казахстана. Современные художники в своем творчестве широко используют элементы архаического искусства, при этом особое внимание уделяется археологическим и этнографическим исследованиям. В творчестве художников Казахстана широко используется архетип духа и его составляющие: архетип матери, шамана, духов

предков, элементов природы. Наиболее характерные черты архетипа матери отражены в работах художников Б. Бапишев, А. Сыдыханов, Г. Маданов, А. Игембаев и др. Образы тюркской богини Умай, каменные балбалы – бесстрастные хранители вечно покоя кочевников, природные стихии и первоэлементы: вода, огонь, глина, камни, древо жизни, казахские родовые знаки (тамги), символизируют божественный дар, энергию жизни, молитву, обращенную к Богу, которая спасет человека от разлада с миром и самим собой – основная тематика художественных произведений этого периода.

Конечно, это не означает, что у всех художников произошел этот поворот к мифическим образам и религиозным моделям мира. Некоторые нашли ценности «ближе», передавая особый личностный мир. Это автопортреты, портреты детей, любимых женщин, близких и родных, при этом художник стремится к достижению сходства не сколько с физическим обликом портретируемого, а с внутренним «я» человека. Образ архетипа духа первопредков используется многими художниками Казахстана и как самостоятельный сюжет произведений, и как дополнительный элемент для придания архаической окраски замыслу художника. Архетип самости представлен четырьмя основными архетипическими мотивами: архетип младенца, архетип царя (героя, пророка), архетип дороги и архетип символов целостности [1].

Творческий путь Бахыта Бапишева, известного казахстанского живописца, уникальным образом отражает состояние общественного сознания казахстанцев в период «слома эпох» - с конца восьмидесятых годов прошлого века до настоящего момента. Своими работами он переживает каждое изменение непростой действительности и создает своеобразный портрет времени – казахстанского «сегодня».

Работы под названием «Символ плодородия» является знаковой. Образ барана в степи – своеобразный архетипичный символ, а картина, в целом, исполненное пафоса высказывание по отношению к родной степи, горам, - своему «дому». Символика образа тучного барана связана с кочевым, скотоводческим укладом, ставшим основным, определяющим социо-хозяйственным каркасом казахского общества. Визуально композиционное построение элементов в данном произведении нарушено, центральная фигура занимает практически все поле картины, поэтому средний план отсутствует, а весь дальний план занимает сплошной высокий холм. Но, при этом «неправильном», с точки зрения академической живописи построении элементов картины, усиливается «сакральная» значимость главного элемента - символа плодородия [2].

Другой известный казахстанский художник Абдрашит Аронович Сыдыханов создает собственный и совершенно новый «знаковый» язык, углубляясь в исторический материал, находит новые смыслы в знаках казахских родов – тамгалар.

Тамга или таңба, с тюркского – знак, печать родовой собственности, сохраняет знание о казахских родах из поколения в поколение, имея не только функциональную, но и семиотическую ценность. Знаки-тамги сами по себе семиотичны и символичны, так как при простоте графического исполнения, имеют содержательный смысл и несут культурно значимую информацию для народа. Художник создает игровое поле ассоциаций, используя в работах как графический язык таңба (тамга) («Символ «Адай», «Таңба Коркыт - Ата», «Жер бесик»), так и фигуративные элементы, символы тюркских народов и персонажей восточных притч. А. Сыдыханов стремится через эти родовые знаки воплотить идею далекого мифа и утвердить в сознании носителей культуры этих или других элементов традиционной культуры, которые обладают высоким семиотическим статусом и устойчивым аксиологическим значением. Знаки-тамги становятся в аргументации А. Сыдыханова обладающим самоценным значением и органично входят в современность [3].

Сложную трехжужовую родовую структуру казахского народа посредством изобразительных знаков-тамг представляет в работе «Родовые тамги трех жузов» современный художник Ануар Игембаев. На полотне он изображает почти все родовые знаки-тамги казахских родов в символической интерпретации. Знаковый и композиционный строй данного произведения сложен и интересен, в первую очередь, тем, что передает ценность значения истории, генеалогии казахского народа. Важные элементы обрядов, музыкальные атрибуты баксы, жилище, оружие, петроглифы, орнамент – все это отражено словно в калейдоскопе цветных живописных осколков. Эти осколки времени, соединяясь между собой, приобретают вневременное значение. В преданиях о шежире родословная казахов берет начало от легендарного первопредка, родоначальника. Как правило, им является смелый и непобедимый воин, ведущий за собой свой род или целый народ.

Живописные композиции казахстанского художника Галима Маданова символически представляют исчезновение предыдущего мира, последующий за этим хаос и появление из хаоса нового мира. Такая символика легко соотносится с историей Казахстана последних десяти-пятнадцати лет. Новая Вселенная, как новая картина мира в живописи Г. Маданова получает свое пространственное наполнение. Основной мотив его работ – сложно понимаемая опора – основание мира – нечто находящееся в космосе в устойчивом состоянии и являющееся основанием для создания нового мира. Композиционно этот мотив представлен как равновесие твердых составляющих и лучащейся, «газообразной» среды [4].

Живописные работы большой серии «Следы неба» представляют знаки первоэлементов природы в системе древнейшей мифологии, и, прежде всего, тюркской. Вариацией этой темы является показ «начала начал» – ощущения

изначальной новизны мира, рождения первосмыслов, первопонятий, передача характера восприятия «древнего космоса» как бесконечного возрождения и возвращения жизни. Строй произведений Г. Маданова по глубине вкладываемых смыслов имеет пространство и свободу выражения, напрямую связанные с традиционным мироощущением. В картинах художника присутствуют сложные знаковые системы. Философское постижение мира становится главным внутренним стержнем творчества художника. Он заставляет зрителя думать о том, что происходит по ту сторону бытового пространства и времени. Как отмечает Р. Ергалиева: «Такие свойства традиционного сознания как четкая структурированность мира, потребность к самораскрытию через универсум, осмысление жизни как постоянно обновляемого, незавершенного, текущего процесса, составляют суть произведений Г. Маданова» [4, с. 101].

Живописные произведения Г. Маданова наиболее полно и адекватно отражают попытки трансформации и интерпретации традиционной картины мира в современном казахстанском изобразительном искусстве. Художник находится в поиске особого знакового языка, способного передать символический образ Вселенной. С помощью этого языка он строит композиции, обладающие четкой структурой, в которых присутствует знаковая динамика цветных форм, культурные и психологические «монады». Художником осмысливается направление, связанное с мировоззренческим комплексом культуры кочевников. Его волнуют темы мироустройства, процессы рождения и появления архетипических образов, становление новых форм.

Архетипы пространства также отмечены в творчестве группы «Кызыл трактор». Шымкентские художники, объединившиеся в группу «Кызыл трактор» (В. Симаков, С. Баялиев, М. Нарымбетов, С. Атабеков) обращаются к самым древним истокам кочевого уклада, образа жизни работают с традиционными кодами, представляющими этническую картину мира. Художники представляют собой «баксы», совершающих шаманские ритуалы «излечения», «изгнания». Их ритуальные обряды построены как взаимосвязь прошлого и настоящего времени. Рассматривая шаманизм как источник возникновения не только целой системы взглядов современного общества, но и как предпосылки

появления совершенно новых и неординарных форм в искусстве Казахстана, нельзя не учитывать материалы исследования о шаманизме, его возникновении и проявлении на территории Центральной Азии, Сибири. Конечно, это сложный, длительный процесс, сыгравший определенно немалую роль в духовной истории тюркских народов. Искусство в период сложения шаманской мифологической системы претерпевает различные изменения и представления. Учитывая эти факторы, предлагается не сравнение древних и современных художественных наследий, а поиски национальной системы взглядов, параллелей между прошлым и настоящим. Нельзя не учитывать и воздействия европейских художественных течений, их влияния на становление академического изобразительного искусства в Казахстане. Своеобразие казахстанской художественной модели обнаруживается в преемственности с традиционным казахским искусством, тенденции увеличения знаков и символов, содержащих культурно-значимую информацию [5].

Искусство Казахстана, да и других Центральноазиатских стран, сегодня, ориентировано и на Запад и на Восток, но, со все более усиливающимся интересом к своему наследию. Грань между этими двумя ориентирами достаточно расплывчата, однако, осознанно или нет, тема традиционной культуры всегда волновала и притягивала художников, несмотря на периодические изменения идеологических установок в стране. Условно обозначая или подчеркивая эту невидимую грань, мы лишь отмечаем ее как важнейший современный аспект государственно-идеологических приоритетов.

Список литературы:

1. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с
2. Ибраева В. Бахыт Бапишев. - Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 1995. – 28 с.
3. Копбосинова Р. Абдрашид Сыдыханов. - Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 1995.- 30 с.
4. Ергалиева Р.А. Этнокультурные традиции в современном искусстве Казахстана. – Алматы: НИЦ «Галым», 2002. – 183 с.
5. Шалабаева Г.К. Постигание культуры: мировоззренческие парадигмы и исторические реалии Казахстана. – Алматы: Акыл кітабы, 2001. – 420 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС “АГЪДАУ” (MOS MAIORUM) И ПОСВЯЩЕНИЯ НАРТИАДЫ

Цховребова Мира Валентиновна

к.ф.н., доц., зав. кафедрой английского языка
Юго-осетинского Государственного университета им. А. Тибилова.
Алания - Республика Южная Осетия, г. Цхинвал,

“АГHДАУ” (MOS MAIORUM) AS THE CODE OF ETHICS AND THE NARTIAD'S INITIATIONS

Tskhurbaty M. V.

Cand. of Philol. Sc., Associate Professor,
Head of the English language department,
South Ossetia University named after A. Tybylty,
Tskhinval, Alania - The Republic of South Ossetia.

SUMMAR

The article studies the ethical code of the ancestors of the Osset-Allanian people conveyed in the folk tradition and in the system of mythological images and plotlines of The Narts' epic. It maintains the view upon the ethical code of the Narts' epic as an integral mytho-poetical system targeted at the perfect man - Nart.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается система этических представлений осетинского народа, выраженная в народной традиции и в системе образов и сюжетов Нартовского эпоса. Обосновывается утверждение о том, что этика предков осетинского народа, создателей Нартовского эпоса, представляет собой цельную мифо-поэтическую систему, ориентированную на “совершенного человека” - Нарта.

Key-words: the Ossetians, aghdaw, mythology, epic, Narts, the Narts' epic, ethical code, initiation, the hierophant, neophyte.

Ключевые слова: осетины, Агъдау, мифология, нарты, эпос, Нартовский эпос, этика, инициация, ритуал, неофит.

Этическая доктрина осетинского народа воплощена в древнейшем комплексе “Агъдау” - mos maiorum (“обычай предков”). Центральный нравственный концепт Агъдау - “афсæрм” включает в свое семантическое поле понятия “стыд”, “уважение”, “сдержанность”. Их противовесом на другой чаше этических весов выступает понятие “худинаг”. Бинарное единство “афсæрм” и “худинаг” регулирует социальные отношения и задает правила этики. Выход за пределы Агъдау неприемлем и карается общественным осуждением, вплоть до высшего наказания – “хъоды”, т.е. бесславного отлучения от общества, что традиционно считалось несоизмеримо большим наказанием, чем смерть (ср. с аналогичной этической системой друидов). Точно так же в древнегреческом обществе “санкцией айдоса (общественное мнение) является немесис (общественное осуждение)” [21; 46].

Принимая во внимание естество человека, Агъдау не осуждает его животную природу, подобно, к примеру, орфическому учению или христианству, настаивающим на первородном грехе, но “приручает” ее, помещая в универсальную рационально-прагматичную систему правил-запретов, тем обучая культуре человечности. Достижение этических стандартов Агъдау в “обществе стыда” (определение Эрика Доддса со ссылкой на работу американского антрополога Рут Бенедикт “Хризантема и меч” [21; 36, 46]) традиционно обеспечивалось строгой

дисциплиной, которая, в итоге, становилась (и сегодня остается) нормой жизни и бесспорным идентификатором принадлежности к этносу.

Блюстителем Агъдау выступает само общество, таким образом, он существует как саморегулируемый живой организм, который выводит свои рациональные нравственные императивы безотносительно к внешней сверхъестественной опоре. Как писал Эмиль Дюркгейм в “Элементарных формах религиозной жизни”: “нравственное сообщество, то есть группы людей, приверженные общей этической системе, ... не придают особого значения фигуре некоего божественного существа”. (Отсюда – несколько панибратские отношения нартов со своими божествами вплоть до манифестации независимости в быту - к примеру, устройство высоких входных дверей, дабы на небесах не решились, что переступающий порог кланяется).

Вместе с тем, неизбежность правил Агъдау подкреплена всевозможными ритуалами от колыбели до могилы - подобная тотальная ритуализация всех вех жизни человека встроена в общую мифологическую картину мира и работает как необходимое и постоянное условие для поддержания порядка бытия/космоса vs. хаоса.

В Нартовском эпосе воплощением образа миропорядка, “храмом Агъдау” предстает большой Дом Клятвы Боратæ (Бораты ардамонга хæдзар), где устраиваются общенартовские мистические пиры-агапе. Заметим, как Агъдау и Дом Клятвы

спонтанно ассоциируются с этикой митраизма – в этой значительно более молодой этической системе ярко выражены следы моральных принципов Агьдау: уважение к договору, правдивость, верность слову, почитание старших как носителей *mos maiorum* и т.д.

В массовых Средиземноморских мистериях допуск к посвящению требовал, как известно, предварительного прохождения через ритуалы очищения. Подобные ритуалы люстрации включены в сакральное подразделение Агьдау и характерны для культов святилищ народной традиции. В эпосе, кажется, они слабо выражены, что, возможно, связано с тем, что соблюдение Агьдау уже являлось достаточным условием допуска к посвящению – т.е. Агьдау возможно рассматривать как первую ступень посвящения, подобно Малым мистериям Элевсина.

Освоив правила Агьдау, нарт добровольно берется за решение более продвинутой задачи – он осуществляет так называемый «выбор Геракла» и вступает в особое элитное сообщество героев-Нартов. Он живет в селении Нартов, где неопиты из родов Ахсартатгатае и Боратае проходят дальнейшее обучение военному искусству и выносливости («Сослан Косеры куыд ракуырда»/«Как Сослан женился на Косер», «Сослан - тыхагур»/ «Сослан ищет того, кто сильнее его»), участвуют в походах, выполняют задания старших нартов-мистагогов, вызывают их из опасных ситуаций («Батрадз Нарты Гуыппырсарты куыд фервæзын кодта» /«Как Батрадз спас именованных нартов», «Сослан Сатанайы зындоны цадаей куыд фервæзын кодта»/ «Как Сослан спас Сатану из озера ада»), сражаются с врагами («Батрадз Бурæдзагайы куыд ссардта»/«Как Нарт Батрадз нашел Бурæдзага», «Батрадз æмæ Тыхы фырт Мукара»/«Батрадз и Тыхыфырт Мукара», «Нарты Батрадз æмæ Хъулонзачъе Уæйыг»/«Батрадз и пестробородый Уаиг») и т.д. Иными словами, проходят специальные испытания-инициации. Мотив закалки героя в циклах сказаний о Сослане и Батрадзе связан с одним из таких специальных и необходимых инициаций: «...Если вы хотите, чтобы я стал настоящим человеком, отдайте меня Курдалагону, пусть он закалит меня в молоке волчицы» [«Рождение Сослана и его закалка». 8,74]. « - Æз æнæсæрстæй куы баззайон, уæд нæ айафдзынæн адамы. Æмæ ныффæнд кодта уæларв Куырдалагонмæ йæхи байсæрынмæ». [«Батрадзы равæрд» т.3, 70] /«Нельзя мне оставаться таким, как я есть. Если я не закалюсь, то какой-нибудь враг непременно осилит меня. Пойду-ка я к небесному кузнецу Курдалагону, пусть он закалит меня» [«Как Батрадз закалил себя». 8,255].

Из каждого похода-испытания герой возвращается обогащенным новыми знаниями и новым опытом. Так в сказании «Сослан – тыхагур» однорукий уаиг преподает Сослану урок: «Ацу, <...> æмæ-иу афтæ макуууал загъ, махицаей тыхджындæр нукуы уыдзæни, загъгæ» [т. 2, 42, 45] /«Возвращайся домой, <...> и никогда не говори

больше, что нет на свете человека сильнее тебя» [8,40].

Сказания показывают, что в сообществе нартов-неопитов (в эпосе «*нарты скуыхт фæсивæд*» - умелые, просвещенные, славные), более других (У/Ацамаза, Саууайа, Маргудза, Бзара) отличаются Сослан и Батрадз – главные герои третьего и четвертого поколения Нартиады. На стадии обучения и прохождения ступеней посвящения они, как правило, отправляются в походы в одиночку, что подтверждает инициационный характер *балца* («Сослан мæрдты бæсты»/«Сослан в стране мертвых», «Хæмыцы фырт Батрадз æмæ Деденæджы фырт Арæхдзау»/«Сын Бедзенага, маленький Арахдзау», «Сослан ищет того, кто сильнее его», «Тотрадз æмæ Сослан»/«Сослан и Тотрадз», «Батрадз æмæ Нарты Уацамонгæ»/«Батрадз и Чаша нартов Уацамонга», «Батрадз нарты дзуары куыд фæнадта»/«Как Батрадз избил дзуара нартов» и др).

Характер инициаций, как правило, связан со спецификацией мифологического образа и его функциями. Так, главная инициация Уырымæга состояла в охране склепа Дзерассы и испытании его функции «стража порядка» самим Уастырджы. Другим значимым испытанием Уырымæга/*Varaza* как сына вепря/волка Уæрхæга является обучение его воздержанности (в пище и в желаниях): «Ус мæм дзуры: «Цы кæныс, Уырымæг? Цы дæ хъуыди хæрдæй, нозтæй, - уыдон дæ хъуыры куы ацыдысты, уæд æнцад цауылнæ хуыссыс дæ бынаты, уæлдай митæ цаемæн агурис?».[т.1,] /«Что ты хочешь Уырымæг? Ведь все, в чем ты нуждался — вкусные яства и хмельные напитки, — все прошло через твое горло. Почему ты не лежишь спокойно? Зачем ищешь лишнего?» [8,31].

Страсть к пирам и обжорству - хорошо известная Сырдону слабость нартовских героев: «Цы фестут, Нарты хъалтæ! Сæрæй та уæ гуыбыны куыст куы кæнут» - насмехается Сырдон в сказании «Нарты балц» /«Куда вы делись, гордые нарты? Видно, опять набиваете свои животы». [«Поход нартов» 8,84]

В сказании «Нарты сау рувасдзарм»/ «Кому досталась черная лисица» Уырымæг наказан за свою неводержанность превращением в пса (по другой версии - в ослицу): «Уастырджийы усмæ ссыдтæн, хорз минас мын фæкæнын кодта. Æз ын загътон: «Мæ зæрдæ дæм бахъазыдис!» Уымæ хъыг фæкастис уыцы ныхас æмæ бацыди уатмæ, райста нымæтын ехс æмæ мæ куы ныццавта, уæд æз фестадтæн гæбæр гадза» [т.1, 205] / «Зашел я в гости к супруге Уастырджы и она подала мне хорошее угощение. И сказала я ей: «Нравилась ты мне!» Обидными показались ей мои слова, зашла она в комнату, достала свою войлочную плеть, хлестнула меня и превратилась я в паршивую собаку»(здесь и далее без примечаний перевод мой - М.Ц.)

Инициацию Уырымæг проходит, одолев Хæрæн-Хуага: «Цас хæры, уыйас та стонг кæны. Къада куыройау иугæндзон æнæрлаугæ йæ

гуыбынмæ æссы.” [т.5, 50] / “ <...> Хæрæн-Хуаг, что значит «ненасытный». Чем больше он ест, тем голоднее становится. Так, без передышки, наполняет он свою утробу, подобно горной мельнице, которая вертится без остановки” /“Уырымæг Хæрæн-Хуагы куыд амардта”[т.5, 49] /“Как Уырымæг истребил Хæрæн-Хуага” [8,22]. Эта инициация Уырымæга аналогична той, которую проходит сын вепря-Хамыца Батрадз в сказании “Нарты æмбырд” / “Собрание Нартов”: “чысыл хызынгонд” /“небольшой мешок”, в который Батрадз набирает воду, оказывается человеческим желудком:

“Араст стæм донагураг. Фæндагыл нæ чидæр иу хызынгонд скъуырдагæ къахæй. Айтæм æй нæмæ. Кæсæм, æмæ иу къæдзæхæй тæдзы сыгъдаг дон. Тæдзæнмæ байдыдтам дарын нæ хызынгонд. Дарæм æй, дарæм, фæлæ йын байдзаг кæнынæн амал нал ис: хызынгонд ивæзы æмæ ивæзы. Æрхастам дон; адæм басастой сæ дойны; фæрсæм сæ: «Цавæр мигæнæн у ацы хызынгонд, уыцы ивæзт чи кæны?» Фæтæрхон кодтой уыцы ран, бирæ чи фæцард, бирæ чи 'мбæрста, уыдон æмæ загътой цæхгæр: «Уый лæджы уæцъæфы йетгæмæ ницы уыздæн! Уымæн нæй байдзаг кæнæн, ничима йын базыдта æгас дунейыл дæр никуы йе 'фсис”.[т.3, 207] /“ <...> Катится вода в мешок, и чем больше наливается в него воды, тем больше он растягивается, но доверху так и не наполнился. Долго рассуждали бывалые люди и рассматривали этот мешочек. И решили они, что это человеческий желудок” [8,111]. С тех самых пор Батрадз приучил себя к воздержанности в еде: “Уæдæй фæстæмæ никуыуал байдзаг кодтон æз мæ гуыбын: фыр хæрд — фыд рын. Фæлтæрын байддыдтон мæхи”.[т.3, 208] / “Чрезмерная еда — лютая чума!» — сказал я [Батрадз - М.Ц.] себе и стал приучать себя с тех пор к умеренности, стал закалять свой желудок”[8,111].

Таким образом, оба героя проходят одну и ту же инициацию, при том, Хæрæн-Хуаг сказания о Уырымæге - антропоморфная аллегория ненасытности “лæджы уæцъæф” (человеческого желудка) в сказании о Батрадзе.

В кельтской мифологии мы находим замечательную параллель с приведенным нартовским сказанием. В “Пуйл, Король Дифеда” - первом сказании из “Четырех ветвей Мабиноги”, богиня-волшебница Рианнон вручает Пуйлу маленький мешок, поразительно напоминающий тот, который Батрадз нашел во время охоты: «Я дам тебе маленький мешочек <...>И когда начнется пир, войди в одежде нищего и с этим мешком в руках и попроси лишь наполнить этот мешок едой. Я же, – сказала она, – сделаю так, что вся еда и питье в этих семи землях не заполнят его. <...> многие слуги принялись наполнять мешок, но, сколько они туда ни клали, мешок не становился полнее”. [2,15] Мешочек Рианнон используется в сказании как ловушка для нежеланного жениха Гуала: «Друг мой, – спросил Гуал, – твой мешок еще не полон?» – «Он не наполнится ничем, что в него ни положишь, клянусь Богом, – сказал Пуйл, –

пока владеющий землями и богатствами не встанет сверху и не придавит еду ногами». – «О мой друг, – сказала Рианнон Гуалу, сыну Клида, – стань скорее на этот мешок». И он поднялся с места и стал обеими ногами в мешок. Тогда Пуйл поднял мешок так, что Гуал оказался в нем с головой, и быстро затянул мешок ремнем, и завязал его, и протрубил в рог. И вот во дворец вбежали его люди, и они схватили тех, кто был с Гуалом, и бросили их в темницу”. [2,16]

Здесь нет открытого уподобления мешка желудку, как в Нартиаде, но действие саги происходит на пиру, что дает повод для аналогии - Гуал стал пленником своего желудка, позабыв о цели своего присутствия.

Главной инициацией Сослана/Созырыхъо является катабасис, непосредственно связанный с соляной природой героя (закат Солнца как сходжение светила в подземный мир). Умудренность многими знаниями стала его наградой, а возвращение – удостоверенное Барастром подтверждение успешного прохождения Сосланом смертельной инициации. В сказании “Сослан Сатанайы зындоны цадай куыд фервæзын кодта”/“Как Сослан спас Сатану из озера Ада” Барастр отпускает Сатану в знак признания благородства Сослана, сохранившего человеческое достоинство в испытаниях: “Тæригъæдджын хъуыддæгтæ дæр бирæ кæныс, фæлæ, дæ мадмæ фæдисы цæугæйæ, стонг лæджы адзалай кæй фервæзын кодтай, стæй магуыр сидæргæсы сывæллоны цæргæсы ныхтæй кæй байстай, уымæ гæстæ дын дæдтын дæ мады”. [т. 2, 492] /“Немало свершил ты грешных дел, нарт Сослан. Но за то, что, торопясь на помощь к матери своей, ты не отказал голодному человеку и спас его от смерти, и вырвал сына бедной вдовы из когтей орла, я отдаю тебе твою мать” [8,63].

Отметим, что все инициации Сослана, в том числе, и брачные, связаны с его соляной природой. В соответствии с характером и внутренней логикой мифологического природы Сослана именно Барастыр, а не Уацамонга является “нерофантом” его главной инициации - катабасиса.

Передвижения Сослана в эпосе, как правило, соответствуют его естественной соляной траектории - от восхода до заката, из верхнего и срединного мира в подземный. На линии движения Сослана осуществляются его приключения и брачные союзы, каждый из которых обусловлен выполнением смертельно опасного задания-инициации. Так в сказании “Созырыхъо мæрдтай йæхицæн усæн Азаухан-рæсугъды куыд ракодта, уый кадаг”/ “Сказание о том, как Созырыхъо привел себе жену из страны мертвых” герой должен вынести из страны мертвых в качестве выкупа за невесту перстень Бедухи [т.2.168]. В сказании “Нарты Сослан - мæрдты Барастыры сиях” / “Нарт Сослан - зять Барастыра” брак Сослана на дочери Барастыра совершается в потустороннем мире [т.2, 578]. Его другие испытания связаны с брачными союзами с соляными героинями - Бедухой, хозяйкой “тæхгæ

мæсыг” /“летающей башины” (“Созырыхъо ус куыд ракуырдаг”/ “Как женился Созырыхъо” [т.2, 49]), дочерью Солнца Хуры чызг, Ацырухс-Уацырухс, [т. 2, 536] и Азаухан в варианте сюжета “Как Сослан женился на дочери солнца и как он умер” [т.2, 769], с дочерью Колеса Балсага (“уаларвы Балсæджы чызг”) в сказании “Нæртон Сослан”, [т.2, 645], дочерью солярного Челахсæртонæ (“Нарты Сослан æмæ Сæлхæ-рæсугъд” - [т.2, 237]), дочерью солярного Бурафарныга (“Созырыхъо æмæ Бурафарныджы чызг Ацаæра” [т.2, 234]: “Ацаæрама Созырыхъо рагай хъавыди”), солярной Агуындой (“Созырыхъо æмæ Агуында” [т.2, 214])

Инициации грозового Батрадза (сына вепря Хамыца и волшебницы Быценон из рода Донбеттыров) и достоинство его подвигов связаны с рыцарственным образом героя нового поколения Æхсæртæггатаæ и подтверждаются Чашей Нартамонгæ. В сказании “Батрадз и Чаша нартов Уацамонга” Сырдон - он здесь выступает в роли мистагога - отправляет Батрадза на поиски Божьего поля (“Хуыцауы быдыр агурæг”), чтобы доказать, что он лучший из Нартов: “Хуыздæр уый уыздæн, <...>Хуыцауы быдырмаæ чи ацаæуид æмæ уырдыгæй Хуыцауы сконд чызджы чи æрхæссид, гæе уый”. [т.3, 219] Батрадз встречает одноглазого уаига, который рассказывает ему о дороге и испытаниях, через которые ему придется пройти, прежде чем он найдет Хуыцауы быдыр:

“- Тæригæд дын кæнын, - загъта уæйыг, - цæмæн дæ зардыл ахæм хъуыддаг æрлæууыд? Мах уыдыстæм фараст æфсымæры æмæ уыцы хъуыддаджы фæдыл фесæфтыстæм, æз ма баздадæн, æмæ мæнæн дæр маæ иу цæст нал ис. <...> Бирæ фæцаудзынæ, - загъта уæйыг, - æмæ бахæццæ уыздынæ æндон быдырмаæ: дойныйæ мæлынмæ æрцаудзынæ дæхæдæг дæр, дæ бæх дæр. Бирæ фыдæбон фæкæндзынæ æмæ, куы аирвæзай уырдыгæй, уæд бахæццæ уыздынæ иу бæстæм, уым хур зæххыл цалхау тулы, бæстæ судзы, æмæ зæхх скъуыдтаæ кæны. Уым дæ бæхимæ кæнæ судзгæ кæндзынæ, кæнæ зæххы скъуыдты сæфдзынæ. Уырдыгæй дæр куы аирвæзай, уæд бахæццæ уыздынæ æнæкæрон денджызмæ, уыцы денджызы дæр бирæ фесæфт. Уырдыгæй дæр аирвæздынæ, уæд бахæццæ уыздынæ ахæм стыр цæргасмæ, æмæ йæ базыргы ауонæй арвай ницы зындæн, уый дæ æгасæй нæ ауадздæни. Чи зоны, куы аирвæзай уымæй дæр, уæд бахæццæ уыздынæ иу ранмæ - уым дыууæ хохы фырыты хæст кæнынц, се 'хсанты иеддæмæ та ацаæуæн никаæуылты ис. Уыдоны æхсан дæр бирæтæ ныцъыст ис. Фæлæ уырдыгæй дæр аирвæзтæ, уæд бахæццæ уыздынæ Хуыцауы быдырмаæ”. [т.3, 219-220] /“Одноглазый Уаиг поведал Батрадзу об испытаниях, которые ему предстоят в его поисках: Поезжай дальше по этой дороге, долго будешь ехать, попадешь в безводную степь. Плохо тебе придется. И ты, и конь твой дойдете до того, что от жажды будете умирать. Много испытаеть ты мук, но если преоденшь пустыню и останешься живой, то попадешь в такую страну, где солнце подобно колесу, катится по земле, где все горит и вся земля пошла глубокими

морщинами. В этой стране ты с конем своим или сгоршишь, или провалишишь в трещину. И найдешь ты там свою смерть. Но если ты и там спасешься, то достигнешь безбрежного моря. Много людей в этом море погибло. Перелететь через него и орел не может. А если переберешься ты через море, то увидишь такую огромную птицу, что крылья ее закроют от тебя небесный свет. Живым она тебя не выпускает. Но чего не бывает! Может быть, и от нее ты спасешься. Тогда додешь туда, где две горы стелкиваются одна с другой, подобно бодающим баранам. Проехать можно только между ними. Немало храбрецов насмерть придавили эти горы. Но если благополучно минуешь их, тогда очутишь на небесной равнине Бога”. [8,112]

Смертельные испытания, через которые в этом сказании проходит Батрадз, чтобы достичь небесной равнины Бога – ордалии, типичные для мистерий: испытания жаждой, огнем, а также пребывание во мраке (аналог катабасиса), обучение преодолению препятствий, контролю над природными явлениями и т.д.

В сказании “Хуыцауы лæвæртгæ Нартæн”/ “Дары Бога Нартам” [т.2, 28-37] пятерых именитых Нартов - Уырызмаæга, Хамыца, Сослана, Батрадза и Ацамаза - испытывает сам Хуыцау, призвав в качестве свидетелей пятерых небожителей - Æфсати, Уастырджы, Тугыра, Уацилла и Фæлвæра: “Зæггы Уастырджийæн Хуыцау: “Фæцу мын Нарты разагъдатæм <...> æмæ сын маæ номай зæгъ: “Хуыцау фондз лæвары рахицæн кодта, æмæ уæ чи куыд сыгуыха, афта йын хуыздæр лæвар ратдзынан”/ “Сказал Бог Уастырджы: “Отправляйся к именитым Нартам... и скажи им от моего имени: “Бог выделил пять даров и вручит их каждому по его достоинству”. Герои расскажут о своих приключениях по дороге к Тугъаны фаз / поляне Тугана, где небожители подтвердят и оценят их по достоинству. Уырызмаг получает от Бога в дар чудесного коня (“сарггы бах”), преодолевающего любые препятствия, за то, что “помог бедному человеку в беде”/ “магуыр лæгæн йа тыхст заманы кæй феххуыс кодтай”. Хамыц награжден чудесным непробиваемым щитом (“къандзæг уарт”), за то, что накормил голодных детей бедной вдовы (“стонг сабиты æххормаг кæй нæ ныуагътай”), Сослану - свои волшебные доспехи (“мæ хæстон згъæр”) за то, что вступился за женщину, проучил и проклял ее обидчика: “Абонæй фæстæма сылгоймагæн нæмыны бар мауал уæд. Йа бинонтæн æнæхъуаджы маст чи уынын кæны, уый гоппы рагътыл æрра куыдзау фæхауад, хъæуæй хъодыгонд уæд, адæмæн æнæуарзон уæд, дзæгъæлæй та йæ мæлæт уæд”/ “Отныне никто не имеет права поднимать руку на женщину. Пусть тот, кто причиняет зло своей семье, станет скитаться в горах беженным псом, пусть откажется от него вся деревня, возненавидят люди и некому будет его похоронить”. Батрадзу - меч, разящий точно в цель (“æндон фæринк кард”), за то, что не позволил насильнику надругаться над телом мертвой

красавицы / “мард чызгы буары хынджылагган на радтай” (сюжет поразительно напоминает космогонический миф о Уастырджы и Дзерассе). Ацамаз Бог одаряет золотой свирелью (“сыгъзарин уадындз”), которая “своим звучание исцеляет болезни и возвращает к жизни даже высохшее дерево” / “йæ цагъдæй рынчын дзæбæх фæкæны, хуыскъ бæлас та уæд сыфтæр фæуадзы”, чтобы мог услаждать он слух народа и дарить радость.

Так именитые Нарты проходят испытание своих человеческих качеств. Так эпос задает парадигму правильной нравственной жизни, парадигму гуманного отношения к людям, освящая ее императивы авторитетами Хуыцау и сонма небожителей.

К теме человеческого достоинства и базовых нравственных принципов эпос вновь возвращается в сказании “Нарты æмбырд” [т.3, 205]. Здесь уже старейшины испытывают нартовскую молодежь (неофитов), обещая в награду “æртæ тыны, фыдæлты кадджын æмæ зынаргъ хæзнатæ” / “три куска сукна - славное сокровище, сохранившееся от предков”. Первый - тому из молодых нартов, “кто обладает наибольшей мудростью, отвагой и благородством” / “æдзонд хъæбатырдæр æмæ хæрзæгъдаудæр”. Второй - тому, кто наиболее воздержан в пище и питье, кто от рождения и до конца жизни своей, как бы тяжело ни сложилась судьба его, с честью и славой пронес имя человека” / “хуыздæр чи разына йæ гуыбыныл, лæджы уаргъ зынагъ дæр хæссын чи бафæраза карæй-керонмæ, кад æмæ радæй”. Третий - тому, “кто из молодежи нашей больше всего благородства проявил по отношению к женщинам и был наиболее снисходителен к ошибкам жены своей” / “фылдæр чи ныббара йæ сылгоймагæн”.

Отметим, что в варианте этого сюжета (“Нарты Батрадзы хъæбатырдзинад” / “Мужество Нарта Батраджа” [т. 3, 216]) сукно из золотого овечьего руна заменено тремя почетными кубками “æртæ нуазæны”. Такая замена только усиливает сакральную символику “славного сокровища, сохранившегося от предков”

“Сукно из золотого овечьего руна” относится к ряду мифологических чудесных предметов нартов и является материальным символом Фарна – одного из древнейших и важнейших концептов мифологии осетин. Народная традиция понимает Фарн как бессмертную животворящую энергию, пронизывающую все мироздание и каждого человека. Фарн – Вселенская Благодать, транслируемая Солнцем, отсюда - богатство и разнообразий солярных мифов, символики и солярных героев эпоса. Материальный символ Фарна – Золотое Руно (знак Солнца), его сущность – Душа Жизни в ее бессмертии и вечном становлении. Как писал С. Энгус: “Единство всей Жизни, таинственная гармония мельчайшего и ближайшего с величайшим и отдаленнейшим, убеждение, что жизнь Вселенной пульсирует во всех ее частях, были так же знакомы для древнего

космического сознания, как и для современной биологии и психологии”. [27]

Сложно удержаться от искушения провести параллель между сутью Фарна (вероятно, некогда цельного учения творцов Нартовского эпоса) и учением о Душе в космологии Платона: “И вот душа, простертая от центра до пределов неба и окутывающая небо по кругу извне, сама в себе вращаясь, вступила в божественное начало непреходящей и разумной жизни на все времена. Притом, тело неба родилось видимым, а душа - невидимой, и, как причастная рассуждению и гармонии, рожденная совершеннейшим из всего мыслимого и вечно пребывающего, она сама совершеннее всего рожденного”. [20]

С представлением о невидимом присутствии бессмертной частицы Фарна в каждом живом существе связана вера в бессмертие. Как сказал Платон: “подобает, чтобы в них присутствовало нечто, соименное бессмертным, называемое божественным [началом], и чтобы оно вело тех, кто всегда и с охотой будет следовать справедливости”. [ibid, 20] Вспомним, что в и Элевсине миста усаживали на шкуру принесенной в жертву овцы - ритуал, в котором слышны отголоски более древних, домикенских и общеиндоарийских представлений. [19]

Возможно, исполненный испытаний большой инициационный балц Нартов, завершавшийся главной мистерией Нартиады - предстоянием у Чаши, есть не что иное, как поход за Фарном или за Золотым Руном. Возможно, тайна, которую Нарт постигает в Ёцæг дуне, связана с созерцанием лика Фарна - как Души или начала Жизни. Здесь мы попадаем в область предположений или “всего лишь мнения”, как говорил Ксенофонт. Чаша хранит свою тайну.

Скрытность Чаши компенсирует открытость эпоса в том, что касается нравственных координат и условий *telelei* (посвящения):

1. “афтæ макууал загъ, махицаей тыхджындæр нукуы уыздæни, загъгæ” - умерь горыню;

2. “хуыздæр чи разына йæ гуыбыныл” / “гуыбыны уæздан” - будь воздержан в еде, контролируй свои инстинкты;

3. “лæджы уаргъ зынагъ дæр хæссын чи бафæраза карæй-керонмæ, кад æмæ радæй” - сохраняй человеческое достоинство в любых обстоятельствах;

4. “æдзонд хъæбатырдæр æмæ хæрзæгъдаудæр” - учись мыслить стратегически;

5. “фылдæр чи ныббара йæ сылгоймагæн” / “уæздандзинад сылгоймагæн” – проявляй великодушие к женщине и к тем, кто послабее;

6. “бинонтæн сенæхъуаджы маст чи уынын кæны, <...>, хъæуай хъодыгонд уæд” - унижающего женщину отлучайте от общества;

7. “магуыр лæгæн йа тыхст заманы феххуыс кæнын” - не оставляй в беде, не отказывай в помощи нуждающемуся;

8. чти мертвых, не оскорбляй их память.

Излюбленная тема сказаний – сражения нартов с уаигами – мифологическими существами хтонической или титанической природы. Как и другие существа подобной природы, уаиги, случается, проявляют светлую сторону своей природы и симпатизируют нартам (Однорукий Уаиг в сказании “Сослан – тыхагур” или Одноглазый Уаиг в “Батрадз и Чаша нартов Уацамонга”). Мотивацию дружелюбия этих уаигов к нартам, следует, по-видимому, искать в их ущербности (однорукий, одноглазый), намекающей на неполноту их хтонической или титанической природы. Однако, в большинстве случаев уаиги враждебны нартам. Сражения нартов с уаигами, в системе нравственных устремлений Нартиады, интерпретируются как инициации, как аллегория борьбы человека с реликтовыми остатками своей титанической природы. В более широком понимании – как героическое действие, как Подвиг, восстанавливающий и поддерживающий вселенское равновесие в аллегорическом противостоянии Космоса Хаосу.

Сослан и Батрадз сражаются с уаигами, подобно героям древнегреческой мифологии. Так, Тесей сражается с Минотавром перед вступлением во власть в Афинах, чтобы пройти последнюю инициацию – испытание на лидерство в мистическом подвиге преодоления Тавра, обитающего в лабиринте Дедала (или в глубинах подсознания Тесея?). Так герои Нартиады проходят через испытания, чтобы, преодолев титанические элементы своей природы, вступить в чертоги Ацаг дуне и обрести бессмертие.

В сказаниях о Нартах древнейшая этическая философия осетинского аланского народа предстает как цельная мифо-поэтическая система, в идеале ориентированная на “совершенного человека” – *Номо моралис, ήθος ανθρωπος*, Нарта. В практической жизни, для всех и каждого она реализуется как всеобщий Агъдау, на идеальном или мифологическом уровне – как Нартиада.

Список литературы:

1. Ирон таурагътæ (Осетинские легенды). /Сост. Ш.Ф. Джикаев/. – Орджоникидзе, 1989.
2. Кельтские мифы: Валлийские сказания; Ирландские сказания /пер. с англ. Л.И. Володарской. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 492 с.
3. Мифы и легенды древней Греции. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с
4. Нарты. Осетинский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы. Кн.1. 1990; кн.2. 1989.
5. Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос (Нартовские сказания. Эпос осетинского народа). Кн. 1.(Составитель Хамацаева Т.А.). - Владикавказ, 2003. Кн. 2. 2004. Кн. 3. 2005. Кн. 4. 2007. Кн. 5. 2010. Кн. 6. 2011. (на осет. яз.)
6. Нарты кадджытæ. Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфинон куыстуат. - Дзауджыхъæу, 1995 г.[Электронный ресурс] - код доступа - <http://biblio.darial-online.ru/>

7. Предания кельтов Бретани. /пер. с бретонского и латыни А. Мурадовой. – М.: Менеджер, 2001. 320 с.

8. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Издание переработанное и дополненное. Перевод с осетинского Ю. Либединского. С вводной статьёй В. И. Абаева. М, «Советская Россия», 1978. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://ironau.ru/>

Список литературы

9. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. - Цхинвал, 1982.
10. Абаев В. Шаман сильнее война //Дохристианская религия алан// Миф и история в сказаниях о нартах [Электронный ресурс] – код доступа: http://apsnyteka.org/1132-abaev_v_stati.html
11. Гаглойти Ю. С. О происхождении термина НАРТ [Электронный ресурс] - код доступа: http://www.darial-online.ru/2001_3/gagloiti.shtml
12. Дзицойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Т.1. – Цхинвал: Республика, 2017. - С.267-285
13. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / пер. с англ., коммент.и указатель С. В. Пахомова; послесл. Ф. Х. Кессиди. - СПб.: Алетейя, 2000. - 507 с. - (Античная библиотека). [Электронный ресурс] – код доступа: <https://litvek.com/book-read/414048-kniga-erik-robertson-dodds-greki-i-irrationalnoe-chitat-online>.
14. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. - М.: Наука, 1976. 276 с.
15. Кереньи, К. Элевсин. - М.: "Рефл-бук", 2000. - 288 с.
16. Кюмон, Франц. Мистерии Митры. Перевод с французского Цветковой С. О. - СПб. Евразия, 2000. [Электронный ресурс] – код доступа: <http://uhimik.ru/franc-kyumon-misterii-mitri-v2/index.html>
17. Леру, Ф. Кельтские друиды. [Электронный ресурс] - код доступа: <http://ru-sled.ru/druoid/>
18. Милонас, Г. Элевсин и Элевсинские мистерии. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/4113-georg-milonas-elevsin-i-elevsinskie-misterii-elevsinskie-misterii.html>
19. Новосадский Н.И. Элевсинские мистерии. - СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://www.litres.ru/nikolay-novosadskiy/elevsinskie-misterii/>
20. Платон. Тимей // комм. и примеч. С.С. Аверинцева// С.С. Аверинцев: Прембула к Диалогу Тимей. Мифологическая диалектика космоса. [Электронный ресурс] – код доступа: https://royallib.com/comment/_platon/timuey.html
21. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М.:Наука, 1977. 216 с.
22. Таказов Ф.М. Признаки инициаций в цикле Батраза нартского эпоса осетин // Гуманитарный научный вестник. 2017. №12. С. 8-12. [Электронный ресурс] – код доступа: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1712Takazov.pdf>

23. Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. – Цхинвал, 1984.

24. Эвола, Юлиус. О мистериях Митры. /пер. с англ. А. Шмакова [Электронный ресурс] – код доступа: <https://philologist.livejournal.com/8566829.html>

25. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том второй: От Гаутамы Будды до триумфа христианства /пер. Н.Б.

Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой и А.А. Старостиной. - М.: Критерион, 2002 [Электронный ресурс] - код доступа: <http://psylib.org.ua/books/eliad03/index.htm>

26. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. /пер. с англ. - М.: Ладомир 1999

27. Энгус С. Тайные культы древних. Религии мистерий [Электронный ресурс] - код доступа: <https://history.wikireading.ru/187785>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ЗВУКООБРАЗОВАНИЯ НА ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ.

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.584](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.584)*Уварова О. В.*

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL DEVELOPMENTS IN THE FIELD OF SOUND FORMATION ON WIND INSTRUMENTS.

Olga V. Uvarova

АННОТАЦИЯ

Приоритетным направлением в современных условиях музыкально – педагогической деятельности является подготовка высококвалифицированных специалистов. Основным фактором успешной методологической работы в области исполнительства на духовых инструментах является изучение научных достижений в физиологии, педагогики, психологии. В настоящее время в педагогической практике духового искусства существует ряд вопросов, требующих концептуального осмысления физиологических компонентов органов голосового и артикуляционного аппарата, а так же зависимости качества звука от данных органов. Предметом анализа является правильное функционирование гортани как резонатора. Анализ научно- теоретических разработок в области звукообразования на духовых инструментах, позволило объяснить ряд педагогических подходов в практике музыкально-исполнительского искусства.

ABSTRACT

The priority direction in modern conditions of musical and pedagogical activity is the training of highly qualified specialists. The main factor of successful methodological work in the field of wind instrument performance is the study of scientific achievements in physiology, pedagogy, and psychology. Currently, in the pedagogical practice of wind art, there are a number of issues that require a conceptual understanding of the physiological components of the voice and articulation apparatus, as well as the dependence of sound quality on these organs. The subject of the analysis is the correct functioning of the larynx as a resonator. The analysis of scientific and theoretical developments in the field of sound formation on wind instruments allowed us to explain a number of pedagogical approaches in the practice of musical and performing arts.

Ключевые слова: духовые инструменты, методология, педагогика, музыкальная акустика, резонаторы.

Keywords: wind instruments, methodology, pedagogy, musical acoustics, resonators.

Музыкальное искусство конца XX столетия характеризуется осознанным научным подходом к проблемам, касающимся физиологии исполнительской деятельности. В различных методиках игры на духовых инструментах, как медных, так и деревянных, распространено сравнение процесса звукообразования на духовых инструментах с пением. Голос – природная составляющая человеческого организма, а музыкальный духовой инструмент механическое изобретение. Однако в формировании звука стоит отметить ряд общих компонентов. Схожая процедура дыхания и единая первичная задача воздушного потока (воздушная струя является импульсом для получения звука), одинаковая работа органов речевого аппарата при инструментальном и вокальном звукообразовании, практически идентичное влияние «свободных полостей» (резонаторов) на тембр получаемого звука.

Человеческий голос — весьма сложные по формированию звуки. Наши связки издают огромный ряд самых разнообразных обертонов, а полости рта и носа являются резонаторами. Мы можем менять объем и форму этих резонаторов, раздвигая и сдвигая наши челюсти, меняя

положение языка и губ, фиксируя определенное положение гортани. Изменяя резонаторную систему нашего голосового аппарата, мы можем влиять на качество звука, с помощью неё усиливать только нужные нам тоны и обертоны. От свойства резонаторной системы голосового аппарата зависит оттенок или тембр (звуковая окраска, обуславливаемая составом и силой обертонов) голоса.

Для получения различных гласных мы изменяем форму полости рта. Чтобы получить гласную А, мы придаем вашей ротовой полости воронкообразную форму, и гортань при этом наиболее широко открыта. Произнося гласную У, мы, наоборот, рот почти закрываем, гортань сужаем.

В свою очередь, звукоизвлечение на духовом инструменте требует аналогичного методологического подхода.

Из практики хорошо известно, что даже незначительное изменение в артикуляционных движениях языка и горла приводит к заметным изменениям звучания инструмента. Также в методических руководствах, школах и пособиях рекомендуется использовать для звукоизвлечения те или иные фонемы. Например, рекомендуется

применять движения языка аналогичное мысленному произнесению слогов: та, ту, ти, и тому подобных фонем.

Советский педагог и трубач Сурен Артемьевич Баласян, достаточно аргументировано, приводит в своей «школе» большое разнообразие слогов и целесообразность их применения в педагогической практике. Он пишет: «для получения хорошей атаки рекомендуется произносить следующие слоги, в зависимости от регистра: в нижнем регистре -то или ту, в среднем -та и в верхнем -ти. Для получения мягкой атаки согласную т заменяют на д, при этом первый звук извлекается с помощью слогов та или ту, а последующие с помощью да и -ди. При изменении произносимой гласной (о, у, а, и) изменяется положение языка в ротовой полости, а следовательно, увеличивается или уменьшается полость рта, через которую проходит выдыхаемый воздух. Эти изменения существенно облегчают извлечение звуков нужного регистра». [1, с 53]

Теорию об использовании слогов также приводит профессор Московской консерватории Георгий Анатольевич Орвид в статье «Некоторые объективные закономерности звукообразования и искусство игры на трубе»: «Нижний регистр широко звучит с гласной а -та, средний -ту, а

верхний -ти. Это он объясняет высотой собственного тона гласной». [2, с. 5]

Несмотря на то, что высота ноты их и сила звука одинаковы, можно легко отличить на слух одну гласную от другой. Различен только их тембр, зависящий, от состава и силы обертонов, сопровождающих основной тон. Полость рта и гортань не только являются источниками звука, но также они усиливают тоны, близкие к области их резонанса.

Наиболее полно вопрос о составе гласных был разобран немецким физиком и акустиком Германом фон Гельмгольцем. Учёным доказано, что если мы будем брать голосом на один и тот же тон и с одной и той же силой звучания разные гласные (А, О, У, Э, Е, И ит. д.), благодаря резонаторам состав и сила обертонов для каждой гласной будут различные. Гельмгольцу удалось разрешить следующую задачу: зная обертоны гласных, получить их из сочетания простых тонов благодаря набору резонаторов. В качестве источников простых тонов Гельмгольц употреблял камертоны, так как звук камертона является простым, и у него отсутствуют обертоны. Камертоны у Гельмгольца возбуждались при помощи электромагнитной установки (рис. 1).

Рис. 1 Камертонная установка Гельмгольца.

Около камертона устанавливался цилиндрический резонатор, усиливавший звук камертона. Входное отверстие резонатора прикрывается заслонкой: этим можно было регулировать силу звука, получаемую от камертона. Гельмгольц пользовался для синтеза гласных набором из 12 камертонов. Один камертон давал основной тон, а остальные являлись его гармоническими обертонами. Подбирая соответствующие комбинации камертонов, Гельмгольц смог получить с помощью их различные гласные. В результате данного опыта было научно доказано, что самый чистый звук,

почти свободный от обертонов, воспроизводится произнося гласную У, а для гласной А подходят основные тоны гармонического ряда. Для получения гласных Э, Е, И — необходимо присоединить верхние обертоны и ослабить нижние, а в гласной О наоборот, пропадают верхние обертоны и усиливается влияние нижних.

Опыты получения гласных с помощью камертонов позволили учёному объяснить, что у каждой гласной имеются свои сигнальные ноты, сигнальные обертоны. Гельмгольц научно доказал что голосовые связки являются источниками звука. Они возбуждают звук, основной тон которого

имеет определенную высоту и богат обертонами. Гортань усиливает некоторые из этих обертонов, близких к ее резонансу. Дальше звуковые колебания должны пройти через полость рта. Для каждой гласной имеется собственное положение рта и, вследствие этого, определенная резонаторная полость во рту. Наиболее низкий тон получается для гласной У, выше—для А, еще выше—для Е.

Музыкальная акустика, являясь связующим звеном между наукой и искусством, объясняет необходимость правильного функционирования гортани как резонатора. Научные исследования показали, что правильно найденная позиция в гортани создает определённые акустические явления, что облегчает работу голосовых мышц и дает возможность в полной мере продемонстрировать все вокальные качества голоса или колорит звука духового инструмента. Гортань в обоих случаях служит дополнительным резонатором, увеличивая эффективность и качество извлекаемого звука. В педагогическом аспекте проведенный анализ позволяет говорить о том, что к обучению музыкантов духового оркестра следует применять тот же методологический подход, что и у вокалистов для совершенствования учебного процесса. Данная методическая установка, рекомендуемая играть “на зевке”, предлагает во время игры “думать о зевке”, что способствует опусканию гортани, тем самым увеличивая полость для резонирования. Педагог должен сконцентрировать свое внимание на

формировании учеником тех правильных внутренних игровых ощущений, которые помогают настроить резонаторы и проконтролировать их работу. Как для методики пения, так и для методики игры на духовом инструменте, данная технология в обучении формированию звука содействует получению звучания наилучшего качества, свободному звучанию инструмента с красивой тембральной окраской звука.

Анализ научно- теоретических разработок в области звукообразования на духовых инструментах является основным фактором успешной педагогической деятельности. Обновление научных материалов, накопление педагогического опыта и дальнейшее развитие исполнительской техники, постепенно систематизируются в новые научные труды, позволяющие повысить уровень исполнительского мастерства музыкантов – духовиков.

Список литературы:

1. Баласян, С. А. Школа игры на трубе/ С.А. Баласян. – Москва: Музыка. - 2015, 136 с.
2. Орвид, Г. А. Школа для трубы (или корнета)/ Г.А. Орвид. – Москва: Гос. Муз. изд-во, 1936. – 90 с.
3. «Техника – молодёжи» 1937-04, редактор М. Каплун. издательство "«Техника молодежи»"/ акад. П.П. Лазарев. Герман Гельмгольц, с. 55-59.

ПРОВЕДЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фазилова Гулчехра Ахмедовна
Учитель начальных классов средней
общеобразовательной школы №16
г. Бухара, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рекомендует использовать приемы разъяснения значений слов, которые располагаются по степени их развивающего потенциала. Разнообразие приемов и повышение активности самих учащихся в объяснении значений слов – важнейшая задача словарной работы в начальных классах.

Также в статье предлагается система проведения словарной работы, которая состоит в том, чтобы слово было школьником правильно воспринято в тексте, понято со всеми его оттенками и окрасками.

ABSTRACT

In this article, the author recommends using methods of explaining the meanings of words, which are arranged according to the degree of their developing potential. A variety of techniques and increasing the activity of students themselves in explaining the meanings of words is the most important task of vocabulary work in the elementary grades.

The article also proposes a system of conducting vocabulary work, which consists in ensuring that the word is correctly perceived by the student in the text, understood with all its shades and colors.

Ключевые слова: словообразовательный анализ, словарная работа, развитие речи, значение слова.

Keywords: word-formation analysis, vocabulary work, speech development, word meaning.

Основные источники обогащения и совершенствования словаря – это произведения художественной литературы; тексты учебных книг, тексты кинофильмов и телепередач, речь учителя и других работников школы и внешкольных учреждений.

Готовясь к уроку чтения, учитель отмечает для себя, какие слова и обороты речи будут использованы для словарной работы: 2-3 слова, которые для большинства учащихся могут оказаться непонятными, будут разъяснены; 3-4 слова или сочетания намечены для работы над уточнением их оттенков, эмоциональных окрасок,

сочетаемости; все слова, над которыми велась работа, будут включены в пересказ или в высказывания самих учащихся по вопросам учителя.

Весьма полезным пособием для словарной работы могут быть словари. Однако для начальных классов создан лишь один словарь – «Орфографический словарик» П. А. Грушникова, весьма полезное пособие по орфографии.

Редко бывает так, чтобы новое слово не поняли все учащиеся. Проверками установлено, что в классе почти всегда бывает хотя бы несколько человек, которые правильно понимают все слова и обороты речи, встретившиеся в рассказе, и в то же время бывает до 10 человек, которые в том же рассказе не понимают вовсе или понимают неточно до 10-12 слов. В коллективной или групповой работе над словарем учитель опирается на тех учащихся, словарь которых более развит.

В методике апробированы и широко используются следующие приемы разъяснения значений слов (приемы располагаются по степени их развивающего потенциала):

а) Учащиеся под руководством учителя осуществляют словообразовательный анализ слова и на этой основе выясняют его значение (или оттенок значения). Для начальных классов простейшим подходом к словообразовательному анализу служит вопрос: «От какого слова образовано новое слово?» или: «Почему так назвали?» Таким способом могут быть объяснены слова шапка-ушанка (закрывает уши), подосиновик (растет под осиной), леденец (тает во рту, как лед), рыжик (рыжего цвета), костяника (ягода с косточкой), односельчане (люди из одного села) и т. п.

б) Словообразовательный анализ нередко сопровождается сопоставлением слова с другими словами с целью выяснения различий, для разграничения значений паронимов, например, землянка и земляника (оба слова образовались от слова земля); серебряный и серебристый (сделанный из серебра и похожий цветом на серебро) и т. п.

в) Опора на контекст способствует пониманию слова. Но бывают случаи, когда роль контекста особенно велика, и основным средством раскрытия значения слова становится прочтение отрывка с этим словом. Например, слова нелюдим, на отшибе, угрюмый и чурается в рассказе Б. Полевого «Последний день Матвея Кузьмина» вне текста объяснить трудно, и состав слов не вполне поясняет их значение. Однако чтение той части рассказа, где характеризуется старый Матвей, ведущий замкнутый образ жизни, значение слов «высвечивается», третьеклассники легче понимают не только их прямое значение, но и уместность употребления, и сочетаемость, и выразительность.

г) Вариантом предыдущего приема служит самостоятельное включение нового слова в иной контекст, составленный самими детьми. Это прекрасный прием глубокого раскрытия значения

слова (в трудных случаях включение в контекст может произвести учитель).

д) Выяснения значения нового слова по справочным материалам, т. е. по словарям и по сноскам в книге для чтения. Как уже отмечалось, специального толкового словаря для начальной школы пока не создано; однако есть все же справочная литература энциклопедического типа, например, книга «Кто такой? Что такое?» (в 2-х томах). В отдельных случаях можно пользоваться толковыми словарями. Сноски-справки имеются во всех учебных книгах, например, в «Родной речи» для 3 класса их около 50, и они разнообразны, а во 2 классе – 25. Очень важно, чтобы сносками пользовались учащиеся самостоятельно.

е) Объяснение значения слова путем показа картинки, макета, чучела или иного наглядного материала. Так, для объяснения существительных и прилагательных следует показать предметные картинки, а для объяснения глаголов – сюжетные.

ж) Объяснение значения слова путем замены его синонимом – один из наиболее часто применяемых приемов. Но при его использовании возникает одна чрезвычайно частая ошибка. Так, анализируя язык сказки В. М. Гаршина «Лягушка-путешественница», дети заменяют яркие, выразительные слова шлепнулась с сучка в воду, бултыхнулась в грязный пруд и полетела вверх тормашками невыразительными, стилистически нейтральными словами «упала», «стала падать». Такое обедняет речь детей, так как уводит их от эмоционально окрашенных слов, имеющих оттенки значения, к словам стилистически нейтральным, лишённым оттенков и окрасок. Чтобы избежать указанной ошибки при объяснении слова через синоним, нужно, во-первых, подбирать несколько синонимов; во-вторых, сравнивать значения синонимов, подчеркивая их различия и выразительность (третьеклассники, сравнивая, говорят: «Шлепнулась – это не просто упала, а сильно упала, шлепнулась пузом, брызги полетели», «она с перепугу прыгнула и упала в воду»; «бултыхнулась – это значит сильно упала, с сильным звуком, это смешно»).

з) Некоторые слова могут быть объяснены путем подбора антонимической пары. Так, слово тусклый становится понятным детям, если ему противопоставить уже известное ранее слово яркий. Примером использования смысловой противоположности слов может служить стихотворение В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»: чтобы лучше понять слово неряха, используются слова чистый, опрятный, аккуратный.

и) Наконец, многие слова могут быть разъяснены на основе развернутого описания, иногда состоящего из группы слов, иногда – из нескольких предложений. Этот способ разъяснения значений слов ценен тем, что он позволяет сохранять непринужденность беседы. Например, в стихотворении Джанни Родари «Всемирный хоровод» приводятся названия национальностей. Детям задается вопрос: «Кто где живет?» В

развернутых ответах раскрываются значения слов абиссинцы, англичане, эскимосы и др.

Разнообразие приемов и повышение активности самих учащихся в объяснении значений слов – важнейшая задача словарной работы в начальных классах.

В начальных классах не дается теоретических сведений о синонимах (как и о других лексико-семантических группах слов), однако практическая работа с синонимами, наблюдения над ними формируют у учащихся понятие о синонимах. Система практических упражнений с синонимами складывается из следующих элементов:

а) обнаружение синонимов в читаемых текстах, объяснение значений и особенно оттенков значений, различий между словами-синонимами;

б) подбор синонимов, которые могут служить заменой данному, и выяснение оттенков значений, различий употребления;

в) специальные упражнения с синонимами;

г) активизация синонимов, т. е. использование в связной речи;

д) исправление речевых ошибок типа неудачно употребленных слов: замена неудачного слова другим, синонимичным ему и более уместным в данном тексте.

Элементарную работу с синонимами начинают в I классе. Так в рассказе Е. Пермяка «Как Маша стала большой» читаем: Маленькая Маша, а туфельки у нее крошечные. Первоклассники легко обнаруживают смысловые различия между словами крошечный и маленький, а также ласковую эмоциональную окраску этих слов. В рассказе «Как белочка зимует» первоклассники находят слова холодный ветер и ледяной ветер и убеждаются в том, что синонимы употребляются для наиболее точного выражения мысли. [1]

Во II и III классах целесообразно вводить группы из трех синонимов и более: смелый, храбрый, отважный воин; сильный, мощный, могучий богатырь; ложь, неправда, вранье; оберегать, беречь, охранять и т. п. На примере рассказа Л. Воронковой «В новой семье», где есть диалог, проводится работа над глаголами речи: сказала, произнесла, добавила, вскрикнула, шепнула, спросила, ответила и пр. Разнообразие таких слов обеспечивает точность выражения мысли, позволяет избежать назойливого повторения одного и того же нейтрального слова сказала.

Слова-антонимы встречаются в читаемых текстах. Так, уже в I классе в рассказе Е. Пермяка «Первая рыбка» дети встречают слова большущий ерш и крохотный ершишка. Противоположность значений этих слов понятна детям. Работа с антонимами, как и синонимами, начинается с

обнаружения их в текстах, но затем вводятся и специальные упражнения.

В начальных классах начинается работа над словами, употребляющимися лишь в определенном стиле речи. Над такими словами работать начинают в связи с анализом читаемых произведений. Так, слова аршин и зипун (Н. А. Некрасов «Дедушка Мазай и зайцы») носят устарелый характер, и объяснение этих слов должно подвести учащихся к выводу, что в современном языке они неупотребительны.

«Образные» слова, т. е. тропы, уместны в художественном произведении, тогда как слова картофелекопательные машины, космический, иллюминатор, электростанция и т. п. более свойственны научным или научно-популярным текстам (примеры даны по «Родной речи» для II класса). [3]

С многозначностью слов (полисемией) школьники сталкиваются постоянно, но не всегда осознают ее. К пониманию многозначности дети приходят от иносказания, которым сами пользуются еще в дошкольном возрасте (Солнышко спать пошло. Собачка загорает на солнышке).

Таким образом, система в словарной работе состоит в том, чтобы слово было школьником правильно воспринято в тексте, понято со всеми его оттенками и окрасками, усвоено, т. е. вошло бы в его словарь и воспроизводилось в нужных случаях, чтобы оно прошло через специальные упражнения, в которых углубляется его понимание, усваивается его сочетаемость, подготавливается его употребление, и, наконец, чтобы оно было употреблено школьниками самостоятельно в собственных высказываниях.

Словарная работа составляет неотъемлемую часть школьной программы обучения русскому языку, так как способствует решению многих важных задач, одной из которых является развитие речи.

Литература:

1. Бакулина, Г.А. Интеллектуальное развитие младших школьников на уроках русского языка. [Текст]: Пособие для учителя/ Г. А. Бакулина. - М.: Владос, 2001. - 144 с.
2. Бондаренко С.М. «Секреты орфографии», М., 1999. Стр.87-90
3. Вирченко, Ф.И. Использование лингвистических словарей на занятиях по русскому языку в средней школе / Ф.И. Вирченко. М., 1990.
4. Волина В.В. «1000 игр с буквами и словами», М., 2010. Стр.22-30
5. Тихонов, А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов. М., 1978.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ

Жабборова Дилафруз Фуркатовна

преподаватель кафедры дошкольного обучения

Навоийский государственный педагогический институт,

г. Навои, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются роль и значение педагогических технологий в повышении качества образования. Также говорится о национальных основах педагогических технологий, о новой интерпретации традиционных технологий в контексте педагогического, социального и культурного развития.

ABSTRACT

The article discusses the role and importance of pedagogical technologies in improving the quality of education. It also talks about the national foundations of educational technologies, about a new interpretation of traditional technologies in the context of educational, social and cultural development.

Ключевые слова: образовательный процесс, педагогика и психология, классическая педагогика, традиционные подходы, педагогические технологии, национальное духовное наследие, образовательная реформа.

Key words: educational process, pedagogy and psychology, classical pedagogy, traditional approaches, pedagogical technologies, national spiritual heritage, educational reform.

Политическое, социальное и экономическое развитие республики неразрывно связано с ее быстрым вступлением в мировое сообщество. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев, «Мы понимаем, что улучшение образования и просвещения связано с образованием молодежи, будущим нашей страны, с современным образованием и воспитанием всесторонне развитой личности».[1,31].

Система образования играет важную роль в ускорении экономической интеграции страны в мировое сообщество. Это связано прежде всего с более быстрым доступом к международной системе образования и рынку услуг. Для образовательных учреждений важно принять решение о подготовке высококвалифицированных специалистов, соответствующих международным стандартам. Это требует устойчивого развития системы непрерывного образования в стране. Одной из важных целей реформы образования в нашей стране является приведение образовательного процесса на всех уровнях непрерывного образования в соответствие с международными стандартами. Это требует изучения особенностей развития мирового образования, его применения и лучших практик и его применения в образовательной среде. Это предполагает необходимость использования современных педагогических технологий в образовательном процессе. Размышляя о педагогических технологиях, важно отметить, что создание абсолютно новых технологий в педагогике встречается очень редко.

Это новая интерпретация традиционных технологий в контексте нового педагогического, социального и культурного развития. Использование ранее использованных и ныне забытых педагогических аспектов в других контекстах, формах и методах обучения с помощью новых средств является основой появления оригинальных технологий. Понимание их

сущности и применение их в контексте новых условий обучения, социальных и культурных условий и потребностей заложит основу для новых педагогических технологий.

Основная цель - использовать современные педагогические технологии в нашем национальном наследии, найти и применить их в образовательном процессе. Технологический подход к нашему национальному наследию показывает, что его этическая и технологическая основа очень сильна. Однако под влиянием временного периода средства массовой информации были далеко не пустыми. Не будет ошибкой сказать, что технология взаимодействует со словом в устной форме, с твердым убеждением.

Педагогика и психология доказывают, что человек полностью развивается и приобретает профессиональные навыки в деятельности. Чтобы человек был всесторонне развитым и хорошо образованным, необходимо выбрать ситуацию, то есть виды деятельности, которые позволят ему это сделать. В каждом случае деятельности человек испытывает разные эмоциональные переживания и выполняет разные квалификационные действия. В связи с этим целесообразно использовать методы и средства, сочетающие зрительные, слуховые сенсорные восприятия учащихся, а также квалификационные действия в учебном процессе. Учащийся непосредственно будет вовлечен в образовательный процесс и будет способен размышлять об этических понятиях и знаниях.

В результате такие способы влияния на образование человека широко используются не только в устном народном творчестве, но и в религиозных и духовных понятиях. Например, Ибн Сина писал свои произведения в виде стихов, чтобы люди могли учиться и следовать медицинским знаниям. Затем ученый указывал, что, если произведение написано, как проза, его трудно запомнить, а в форме поэзии его легче запомнить и применить. Здесь великий ученый использует

поэзию как дидактический метод. Этот метод хорошо используется в пропаганде религиозного учения.

Представители ислама изложили требования шариата в поэзии, повествовании, истории и разговоре. Например, Имам аль-Бухари рассказывает о хадисах как о рассказчиках. При этом он заверяет читателя, что хадис является подлинным и аутентичным, что облегчает его запоминание.

Афзалий, великий проповедник богословского учения, написал свое произведение «Мажмаул масонство» как стихотворение. «Наш проверенный метод - это наша беседа», - сказал Бахоуддин Накшбанд. Следовательно, существует большой потенциал для изменения статуса учащегося в образовательном процессе, а также форм, методов и средств обучения для превращения их в предметы образования. Это различные педагогические ситуации, их создание и анализ, организация уроков и воспитательной работы в виде театральных сцен, дискуссий, дебатов, диспутов, которые делают учащихся активной частью учебного процесса.

Профессор Н. Саиддахмедов отмечал, что авторами этого метода являются наши предки. Наши ученые-энциклопедисты, осветившие мир своим факелом мудрости, - это Ахмад аль-Фаргани, Абу Наср Фараби, Ибн Сина и другие». Амир Тимур призвал к консультациям для решения проблем, стоящих перед правительством. Тимур и внимательно выслушал мнения всех служителей и ученых, и на этой основе принимал главное решение. Их называли «совет», «консультация», «назидания».

Целесообразно широко использовать в воспитании классическую литературу «Кабуснома», «Калила и Димна», народные эпосы, сказки, рассказы и легенды. С помощью таких методов у учащихся начнут развиваться определенные внутренние эмоции, понятия и человеческие отношения. Это поможет читателю понять смысл информации через отражение, визуализацию, восприятие и слух.

Вместе с этим также важно создание условий для понимания учащимися нежелательных качеств в его поведении, что может быть мощным средством воздействия. Наряду с этими методами, широко должны использоваться социальный тренинг, театрализованные уроки и др.

В то же время негативный образ поведения студентов создает ненависть к этим качествам и способствует формированию у студентов позитивных качеств. Кроме того, следует широко использовать формы открытого общения, диалога, дебатов, дискуссий, конкурсов, конференций и творческого письма, в зависимости от ситуации, знаний, опыта, возраста и особенностей учащихся. В зависимости от характера учебного материала, важно использовать соответствующие методы, такие как интервью, вопросы и ответы, выслушивание мнений и анализ идей. При выборе методов обучения важно выбрать содержание

учебного материала, соответствующую форму обучения.

Как видно из вышеизложенного, традиционные методы не всегда дают ожидаемые результаты, хотя они были опробованы и использовались много раз. На современном этапе образовательной реформы задача состоит в том, чтобы изменить статус учащегося в процессе обучения на основе широкого использования современных педагогических технологий и средств массовой информации. Методы, которые мы рекомендуем выше, побуждают студентов думать, думать и думать независимо друг от друга как шаги использования современных педагогических технологий. Это открывает человеческие и образовательные возможности для использования новых педагогических технологий. Кроме того, источники информации и методы обучения должны использоваться надлежащим образом.

С их помощью слова и образы великих людей находятся в головах читателей. Расширение возможностей и анализ образцов позитивного или негативного поведения, человеческих отношений, отношений между родителями и детьми с помощью магнитофонов, видео также могут быть мощным образовательным средством. Следует отметить, что эти рекомендуемые методы следует использовать в зависимости от обстоятельств.

Важно, чтобы в качестве критерия характер, содержание, цель и форма учебного материала совпадали друг с другом. Другим важным критерием является также мастерство и опыт учителя. Для учителя важно выбрать содержание, цель, форму и метод урока в соответствии со своими педагогическими навыками. Уроки, организованные на основе этих требований, служат мощным образовательным инструментом для формирования норм поведения учащихся на основе требований образовательной реформы. Ведь важным требованием образовательной реформы является привитие студентам высоких нравственных качеств. Тогда уроки могут стать средством для пропаганды хороших манер, нравственности и порядочности. Для этого необходимо обратить внимание на:

1. Соответствие содержания темы урока возрасту, уровню знаний и жизненному опыту учащихся.

2. Целостность или последовательность содержания, цели, формы и методов урока.

3. Целостность дидактических целей урока, таких как образовательная, воспитательная и развивающая личность учащихся.

4. Педагог выбирает содержание, цель, форму и метод урока на основе своих педагогических навыков и опыта.

Активное проведение уроков, использование методов образования нравственных понятий:

- разговор;
- вопрос - ответ;
- встречи;
- рассказы;
- повествования;

- использование иллюстраций;
- создание и анализ ситуаций;
- выслушивать, анализировать, обсуждать идеи;
- социально-педагогическая подготовка, театральные сцены.

Реконструкция образовательного процесса на новой методологической основе является многогранной проблемой. В то же время национальные ценности имеют большой потенциал влиять на личность учащегося.

Узбекский народ, наряду с другими народами мира, обладает не только материальным богатством, но и огромным духовным богатством. Наш народ на протяжении веков своей силой, способностями и талантами строил свою науку и культуру, литературу и искусство, мораль и философию. Стихотворение и создавал сказки, пословицы, притчи, легенды и легенды о героях, облегчающих проблемы людей.

В фольклоре они сохранились, передавались из поколения в поколение и стали важным средством обучения. Великими учеными, заложившими основы мировой науки, культуры и литературы, являются Имам аль-Бухари, Абу Наср Фараби, Абу Али Ибн Сина, Абу Райхан Беруни, Юсуф Гаджиб, Ахмад Яссави, Бахуддин Накшбанд, А. Навои, А. Авлони. Их педагогическое наследие еще недостаточно изучено, а технологические возможности не доведены до молодежи, и их роль в образовании не исследована. Их научное наследие является бесконечным источником воспитания. Поэтому важно разработать методы и формы для их эффективного использования. Прежде всего, они должны быть выполнены таким образом, чтобы изучение их наследия можно было разделить на периоды. В то же время необходимо дать объективную оценку своей работе, исходя из общих черт каждого периода, социально-экономических и идеологических условий, влияющих на их творчество.

Изучение нашего национального наследия показывает, что его создатели разработали искренний подход к усвоению знаний, воспитанию и освоению технологий. Например, Хазрат Бахауддин Накшбанд в своих учениях показал, что изучать исламские концепции или произносить каждое слово в молитве, как дышать, как тело, определенные его части - движения рук и ног, то, как им говорят или принимают. Самое главное, что они показали отличный пример того, как быть честным, чистым сердцем и научиться этому при изучении или исповедании религиозного учения.

Первое из мудрых слов Юсуфа Хамадони, которое Мир Ходжи воспринимает как «хорошее время», - это объяснить студентам, прежде всего, их умственное отношение и представление как способ объяснить это. Из-за сложности темы, мозговой штурм проводится в парах или в группах. Это может восстановить знания ученика о «хорошем времени». Интерес возникает, когда ученик начинает думать о том, что он уже знает.

Это позволяет процессу обучения быть непрерывным. Учебный процесс - это процесс соединения нового с тем, что известно. Новое воображение, которое мы изучаем, будет сильным, если оно будет основано на более ранних знаниях. Образование - это не пассивная, а активная деятельность. Вторым шагом является чтение учебника, текста лекции и описания лекции, данной студентам в процессе понимания методом INSERT.

Когда студенты говорили о том, что они знали о «хороших временах», происходила интеграция интереса и активности в отношении того, что было правильно или неправильно, и что на самом деле было «хорошим временем». Это поддерживается на этапе понимания. Студенты следят за своим пониманием. Активное наблюдение за собственным пониманием содержания даст хорошие результаты. Студент сравнивает свое понимание с новой информацией, наводя мосты между старыми и новыми знаниями. В то же время студенты получают критический анализ, сравнительный анализ, синтез, стимулирование. В тексте о «хороших временах», после прочтения информации начинается этап мышления. Причина этого заключается в том, что они погружаются в действительно новые знания, думая об осознанном мышлении.

Студенты получают более глубокое понимание текста своими словами. Они выражают «хорошие времена» своими словами и создают новые идеи. Потому что понимание - это основа для запоминания. Прислушиваться к мнению других студентов, спорить с ними и расширять их кругозор. В этом процессе следует отметить следующее:

- активация мышления;
- возможность активного обсуждения;
- поощрять мышление, дающее возможность выслушать разные точки зрения;
- помогать им задать свои вопросы. В то же время студент является не только механическим носителем информации, но и активно развивается в осознании и мышлении. Это основа качественного этапа обучения. Могут быть сформированы способности интегрировать старые и новые знания. Это приносит знание и понимание на уровень осведомленности. В результате учащиеся приобретают навыки сочетания времени, внимания и воли.

Литература:

1. Мирзиёев Ш.М. Мы поднимем путь национального развития на новый уровень. (Том 1). - Ташкент: Национальный университет Узбекистана, 2017. - 592 с.
2. Олимов Ш.Ш., Гасанова З.Д. Применение педагогических технологий в образовательном процессе. -Т.: Наука и технологии, 2014. - 184 с.
3. Сайидахмедов Н.С. Сущность новой педагогической технологии. // Ж. Народное образование. 1991, № 1, с. 97-102.

УДК 378
ГРАНТИ 12.81

**КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ
МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА**

Солопова Наталья Анатольевна

*Доктор экономических наук,
профессор кафедры*

Менеджмент и инновации НИУ МГСУ

Мещерякова Татьяна Сергеевна

*Кандидат экономических наук,
доцент кафедры*

Менеджмент и инновации НИУ МГСУ

Щепкина Наталья Николаевна

*Кандидат экономических наук,
доцент кафедры*

Менеджмент и инновации НИУ МГСУ

ANNOTATION

The process of integrating Russian higher technical education into the European space of the higher education system (EHEA) is possible by introducing into the educational process of higher educational institutions the Module “Application of European quality management tools of higher education in the formation of professional skills of students of a technical university”. In the process of considering key issues of applying European quality management tools of higher education in the formation of professional competencies among students of a technical university in the framework of this study:

- the methodology of the Module has been formed, providing for the application of various approaches and tools for research, teaching and evaluation of the results of research work;

- the expected impact of the Module has been determined, which allows promoting European values and knowledge in the field of higher education quality management and providing a basis for the development of international topics;

- a strategy for the distribution and use of the Module is proposed that defines the target groups that the Module is oriented to and the process of their informatization;

- Recommended measures for quality control and monitoring.

These areas will contribute to the development of knowledge and research in the field of quality management in the education of higher educational institutions, and will also strengthen the dissemination processes of the European principles for the development of the educational community.

АННОТАЦИЯ

Процесс интеграции российского высшего технического образования в европейское пространство системы высшего образования (ЕПВО) возможен путем внедрения в учебный процесс высших учебных заведений Модуля «Применение европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных навыков у студентов технического вуза». В процессе рассмотрения ключевых вопросов применения европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза в рамках данного исследования:

- сформирована методология Модуля, предусматривающая применение различных подходов и инструментов исследования, преподавания и оценки результатов научно-исследовательской работы;

- определено ожидаемое влияние Модуля, позволяющее пропагандировать европейские ценности и знания в области менеджмента качества высшего образования и обеспечить основу для развития международных тем;

- предложена стратегия распространения и использования Модуля, определяющая целевые группы, на которые ориентирован Модуль, и процесс их информатизации;

- рекомендованы мероприятия по контролю качества и мониторингу.

Данные направления будут способствовать развитию знаний и исследования в области менеджмента качества образования высших учебных заведений, а также обеспечат усиление процессов распространения Европейских принципов развития образовательного сообщества.

Ключевые слова: высшее образование, знания, менеджмент качества, методология, профессиональные компетенции, технический вуз

Keywords: higher education, knowledge, quality management, methodology, professional competencies, technical university

Изложение основного материала.

Высшее образование является краеугольным камнем устойчивого развития. Оно создает новые знания, учит конкретным навыкам и пропагандирует основные ценности, такие как свобода, терпимость и достоинство. Чтобы сделать высшее образование катализатором создания устойчивых, инновационных и справедливых обществ, правительства и университеты должны разрабатывать политику, позволяющую образовательным учреждениям быть доступными и всеобъемлющими.

В современной Европе возрастают требования рынка труда к квалификации выпускников высших учебных заведений. Система менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза должна основываться на применении европейских инструментов прозрачности и качества. Самыми значимыми оценочными факторами эффективности высшей школы являются такие результаты образования, как: знания студентов, их компетенции и навыки, их подготовленность.

Проблематике применения европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов высших учебных заведений посвящены труды таких ученых как: Ананин Д.П. [1], Жаркова Г.А., Неверов А.А. [2], Калимуллин А.М., Шайдулина А.Р. [3], Молдабекова Б.К. [4], Морозова Я. В. [5], Солопова Н.А., Мещерякова Т.С., Щепкина Н.Н. [6-7], Скугарева И.В., Лебедева В.А. [8], Сушкова И.А. [9], Таушканова Е.А. [10]. Однако, исследованию применения европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов непосредственно технического вуза не уделяется должного внимания.

С учетом важности вопросов, определяющих качество образования на национальном и интернациональном уровнях, начать процесс интеграции российского высшего технического образования в европейское пространство системы высшего образования (ЕПВО) возможно путем внедрения в учебный процесс НИУ МГСУ Модуля «Применение европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных навыков у студентов технического вуза». Модуль будет ориентирован на реализацию важнейших задач развития Европейского пространства высшего образования, поэтому целесообразно рассмотреть ключевые вопросы, являющиеся предтечей его внедрения в учебный процесс НИУ МГСУ:

Методология Модуля.

Методология Модуля предусматривает применение различных подходов и инструментов исследования, преподавания и оценки результатов научно-исследовательской работы.

Подход к преподаванию будет определен принципами обеспечения качества Болонского

процесса. Данный подход предусматривает развитие знаний, навыков и способностей, в которых студент будет нуждаться в своей профессиональной деятельности.

Полученные в процессе изучения Модуля знания позволят применить европейские инструменты менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза.

Модуль будет включать такие формы обучения, как лекции и практические занятия, с использованием современных информационных средств, которые применяются при подготовке и проведении занятий.

Особое внимание следует уделять практико-ориентированному обучению (в аудитории и с помощью электронной системы персонализации обучения), которое имеет целью формирование установок, способностей, навыков и понимания каждого обучающегося на уровнях «практической работы в контексте» предмета Модуля (кейс-ситуации).

При проведении практических занятий рекомендуется использовать дискуссионные формы обсуждений по следующим вопросам:

- история европейского образовательного процесса, процессы трансформации ЕПВО, тенденции развития европейского образования, инструменты прозрачности и качества в системе высшего образования стран ЕС, европейская архитектура качества высшего образования;

- роль непрерывного образования в формировании новых профессиональных компетенций у студентов технического вуза как реализация одного из приоритетных направлений развития высшего европейского образования, социально-психологических аспектов самоорганизации европейских и российских студентов технических вузов при формировании их профессиональных компетенций.

Методы исследований в ходе реализации Модуля будут включать кабинетные исследования (изучение материалов, размещенных на сайте Модуля и во внешних источниках), а также полевые исследования (привлечение студентов для проведения опросов по изучаемым темам Модуля).

Все студенты будут использовать виртуальную среду в процессе обучения с онлайн-поддержкой (техническим и консультационным сопровождением) в ходе изучения Модуля, обеспеченной членами преподавательского состава.

Ожидаемое влияние Модуля.

Учебный Модуль позволит пропагандировать европейские ценности и знания в области менеджмента качества высшего образования и обеспечить основу для развития международных тем, которые наиболее важны в контексте применения европейских инструментов прозрачности и качества в высшем образовании при формировании профессиональных компетенций у студентов в техническом вузе.

Согласно государственным требованиям в отношении вопросов развития высшего образования, происходит постепенная интеграция национальной системы образования в мировое образовательное пространство с базовыми стандартизированными европейскими подходами к оценке качества образовательных услуг. Это соответствует современным ожиданиям целевой группы, мотивированной на получение качественного образования, которое ориентировано на развитие европейских инструментов прозрачности и качества, европейской архитектуры качества, европейских стандартов качества.

Внедрение образовательных программ по применению европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза положительно скажется на формировании знаний о европейских стандартах качества высшего образования.

С точки зрения распространения европейских ценностей, европейские принципы формирования ЕПВО будут популяризироваться через социальные сети и официальный сайт Модуля.

Целевая аудитория, на которую будут нацелены электронные ресурсы, - бакалавры, магистры, молодые ученые, сотрудники НИУ МГСУ, обеспечивающие функционирование системы менеджмента качества, преподаватели профильных дисциплин, представители органов власти, представители профессиональных образовательных сообществ (члены ассоциированных организаций в области менеджмента качества).

Развитие тематики Модуля и создание новой дисциплины «Применение европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза» будет иметь следующие результаты:

- позволит оценить преимущества подходов к непрерывному образованию в университетах ЕС;
- сформирует понимание об уровнях профессиональных компетенций на разных этапах обучения студентов технического вуза;
- окажет значительное положительное влияние как на участников образовательного процесса, так и на гражданское общество, так как позволит обеспечить всеобщее информирование об европейских тенденциях в образовательной среде и сформировать представление о значимости инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза;
- позволит обеспечить доверие, сотрудничество и уважение к разнообразию культур, языков и систем высшего образования на европейском, национальном и институциональном уровнях;
- будет способствовать развитию европейских ценностей и требований к качеству образования в

технических вузах путем внедрения результатов разработок Европейского союза в НИУ МГСУ;

- повысит уровень качества профессиональной компетентности студента технического вуза на национальном и международном уровнях.

3. Стратегия распространения и использования Модуля.

Целевыми группами, на которые ориентирован Модуль, являются: студенты, аспиранты, молодые ученые, представители профессионального образовательного сообщества, эксперты, внедряющие и развивающие менеджмент качества в образовательных учреждениях, представители администраций и органов власти и гражданское общество, имеющие потребность в высококвалифицированных специалистах.

В период подготовки, будет обеспечена информатизация всех приведенных аудиторий по тематике Модуля через сайт Модуля, информационные ресурсы университета, социальные сети (Вконтакте, Фейсбук, Инстаграмм). Интерактивное распространение информационно-справочных материалов в он-лайн режиме будет обеспечено в течение всего срока реализации Модуля и после него на долгосрочную перспективу. Все информационно-справочные материалы, активные ссылки с режимами доступа на полезные сайты по темам Модуля и порталы Европейских образовательных ассоциаций позволят обеспечить всестороннее изучение вопроса и возможность формировать профессионально-ориентированные компетенции в процессе выполнения самостоятельной работы обучающимися. Вся информация будет доступна для широкой аудитории, в том числе для других образовательных учреждений, в которых ценностные ориентиры связаны с регулярным повышением качества образовательных услуг и развитием европейских подходов к обеспечению высокого уровня подготовки студентов.

Результаты исследований участников Модуля будут опубликованы и, соответственно, обеспечат распространение новых знаний через широкую научно-ориентированную в образовательном сообществе аудиторию.

При участии в российских и международных конференциях, форумах, деловых переговорах с представителями других образовательных учреждений, экспертами, обеспечивающими внедрение системы менеджмента качества в образовательных организациях, а также с представителями администраций и органами власти будет распространяться информация по темам реализуемого Модуля. Большую заинтересованность будут иметь как внутренние структурные подразделения университета, обеспечивающие функционирование системы менеджмента качества на данный момент, так и представители органов власти, оценивающие потенциал развития и требуемый вектор повышения качества образования с учетом авторитетных Европейских подходов.

4. Контроль качества и мониторинг.

В ходе реализации Модуля будет применен комплексный подход к оценке качества проводимых мероприятий. Ключевые особенности оценок приведены в соответствии с реализуемыми мероприятиями:

- качество усвоения лекционного материала по темам Модуля – промежуточное и итоговое тестирование;

- научно-исследовательская работа – система рецензирования внутренними и внешними экспертами статей, подготовленных молодыми учеными (студентами, магистрантами, аспирантами) и преподавателями, которые обучаются по программе Модуля и участвуют в научно-практических мероприятиях (конференциях, форумах), а также других мероприятиях, связанных с тематикой Модуля;

- учебно-методическая работа рабочей группы – система рецензирования внутренними и внешними экспертами учебно-методических материалов, выпущенных для реализации учебного курса по Модулю;

- создание информационных ресурсов Модуля – отзывы пользователей веб-сайта Модуля, интернет-страницы на сайте НИУ МГСУ, группы в социальных сетях (Вконтакте, Фейсбук, Инстаграмм).

Таким образом, рассмотренные ключевые вопросы применения европейских инструментов менеджмента качества высшего образования при формировании профессиональных компетенций у студентов технического вуза будут способствовать развитию знаний и исследований в области менеджмента качества образования высших учебных заведений, а также обеспечат усиление процессов распространения Европейских принципов развития образовательного сообщества.

Список использованной литературы:

1. Ананин Д.П. Методология европейского пространства высшего образования в контексте Российской высшей школы. // Мир науки, культуры, образования. № 5 (60). 2016.

2. Жаркова Г.А., Неверов А.А. Зарубежный опыт становления и развития компетентностного

подхода в образовании // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 1.

3. Калимуллин А.М., Шайдулина А.Р. Диверсификация моделей интеграции образования, науки и производства в непрерывной системе профессионального образования // Образование и саморазвитие. № 1 (43). 2015.

4. Молдабекова Б.К. Компетенции выпускников как индикатор внешнего обеспечения качества в университетах // international scientific review of the problems and prospects of modern science and education collection of scientific articles. Lix international correspondence scientific and practical conference. Editor: emma morgan. 2019.

5. Морозова Я. В. Профессиональная компетентность российской молодежи в условиях новой социальной реальности: методологические приоритеты исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. Т.7. №3, 2015.

6. Солопова Н.А., Мещерякова Т.С., Щепкина Н.Н. Организационные основы деятельности Болонского университета // Вестник научных конференций. 2018. N 12-2(40).

7. Солопова Н.А., Мещерякова Т.С., Щепкина Н.Н. Перспективы использования опыта стран Евросоюза по повышению качества высшего образования в российских вузах // Вопросы науки и практики – 2018: 3 сессия: сборник статей Международной научно-практической конференции. Сборники трудов конференций и симпозиумов. 2019 г. ISBN 978-5-6040971-4-4.

8. Скугарева И.В., Лебедева В.А. Коммуникативные компетенции в рамках болонской модели высшего образования // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. №3.

9. Сушкова И.А. Формирование новой модели образования – основные требования неоиндустриального развития // Базис. №2 (2). 2017 г.

10. Таушканова Е.А. предметно-языковое интегрированное обучение: европейский опыт - российским вузам // Мир образования - образование в мире. 2015. №3 (59).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.99
ГРНТИ 15.81.21

OCCUPATIONAL STRESS AND PERFECTIONISM AMONG PRIMARY AND SECONDARY SCHOOL TEACHERS IN RUSSIAN SCHOOLS

Anna-Aleksandra Vlasova
Immanuel Kant BFU,
FGOU (Immanuel Kant Baltic Federal University)
Address: Ulitsa Aleksandra Nevskogo, 14,
Kaliningrad, Kaliningrad Oblast, 236041

(ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС И ПЕРФЕКЦИОНИЗМ СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ КЛАССОВ РОССИЙСКИХ ШКОЛ)

Анна-Александра Власова
Балтийский Федеральный Университет Имени И. Канта
Адрес: ул. Невского 14, Калининград, Россия 236041

ABSTRACT

Globally, to date, there is a massive shortage of school teachers. There are many factors that contribute to the reduction of workers in this area. One of such factors is occupational stress. This study was created to identify whether certain personality traits are related to the stress level of teachers. The purpose of this research is to explore how perfectionism and its dimensions are linked with the occupational stress among teachers in the Russian population.

The study looked at the sample of 66 Russian teachers. The results indicated a positive correlation between socially prescribed perfectionism, however, no significant correlation was revealed between self-oriented perfectionism and occupational stress. This means that high standards and striving for excellence of an individual in relation to himself are not associated with an increased level of occupational stress. At the same time, those individuals who believe that other people have high standards in relation to them tend to experience increased occupational stress.

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день во всем мире ощущается нехватка школьных учителей. Есть много факторов, которые способствуют сокращению работников в этой области. Одним из таких факторов является профессиональный стресс. Это исследование было создано, чтобы определить, связаны ли определенные черты личности с уровнем стресса учителей. Целью данного исследования является изучение того, как перфекционизм и его аспекты связаны с профессиональным стрессом среди учителей России.

В исследовании рассматривались выборки из 66 российских (калининградских) учителей. Результаты показали положительную корреляцию между социальным предписанным перфекционизмом, однако, не было обнаружено значительной корреляции между самоориентированным перфекционизмом и профессиональным стрессом. Это означает, что высокие стандарты и стремление к совершенству индивида по отношению к себе не связаны с повышенным уровнем профессионального стресса. В то же время те люди, которые считают, что другие люди имеют высокие стандарты по отношению к ним, как правило, испытывают повышенный профессиональный стресс.

Key terms: perfectionism, occupational stress

Ключевые слова: перфекционизм, профессиональный стресс

Introduction: Teachers take a leading position in terms of job stress level in comparison to other professions [4]. Such tendency might be a major characteristic that makes the profession less attractive for new employees and causes the early retirement of many professionals in this field [4]. Additionally, burnout is another negative consequence of stress that leads to significant loss of trained staff [10]. These factors contribute to the global problem of massive shortage of teachers. Across different countries, the teaching profession is becoming exceedingly less popular and appealing [2]. Unesco's Institute of Statistics (2016) calculated that in order to achieve the

Global Goal of 2030 to make quality education accessible to every child, countries must recruit 68.8 million teachers. Obviously, there are a variety of reasons that contribute to the problem of shortage, however, it is important to take into account all of the possible factors and high occupational stress is evidently one of them. One out of a variety of factors that lead to the increased stress level is perfectionism. In several studies, it was revealed that this personality characteristic is associated with work-related stress [3, 8]. In addition, it was also identified that there are several dimensions of perfectionism, therefore it is crucial to understand how the manifestation of different

dimensions of perfectionism is linked to stress levels in teachers in order to eliminate its negative effect in the work of the professionals [13].

Perfectionism was defined as personality trait represented by the strong desire for impeccability and high personal standards [5]. However, this trait is multidimensional. Hewitt and Flett introduced three dimensions of perfectionism instead of two: self-oriented perfectionism, other-oriented perfectionism, and socially prescribed perfectionism [5]. Individuals with a self-oriented dimension of perfectionism are highly motivated to achieve their goals and the work that is required for that achievement is enjoyable for them; they do everything they can in order to avoid failure and to complete their tasks perfectly [5]. Other-oriented perfectionism is associated with setting high standards for significant others. Individuals with this dimension tend to have high expectations for parents, friends, co-workers, etc., and strictly evaluate their performance; however, it does not mean that such individuals would apply similar standards for themselves. Lastly, socially prescribed perfectionists tend to experience pressure as a result of an unrealistic belief that people around them have high standards that he or she has to line up to [5]. In fact, this model emphasizes the existence of two major dimensions of perfectionism: adaptive (self-oriented perfectionism) and maladaptive (other-oriented and socially-prescribed perfectionism).

In most recent studies of perfectionism, psychologists designed a model which includes only two dimensions of perfectionism. It was appealed to the classification that highlights two dimensions of perfectionism: perfectionistic strivings and perfectionistic concerns [12]. Perfectionistic striving refers to adaptive features of normal, self-oriented perfectionism with positive outcomes and processes [12]. People in this category have less psychological issues such as depression and anxiety, have high self-esteem, and score highly in agreeableness; they are more academically successful and have more social interactions [12]. In contrast, perfectionistic concerns include those characteristics that are unhealthy, maladaptive and neurotic, such as strong worries about making mistakes, socially prescribed perfectionism and lack of satisfaction no matter what the result is. Consequently, such people frequently struggle with numerous psychological issues [12]. In fact, although there is the more recent classification, their classification basically sums up and supplements the types of perfectionism that previously had been already presented by Hewitt & Flett. Therefore, in this study, the first presented classification by Hewitt & Flett will be used.

Assigned task: The major problems associated with occupational stress in teachers is shortage of staff as a result of negative impact on the psychological well-being. In such conditions, there is an urgent need for promoting stress-reducing practices and creating a favourable working environment. In order to achieve this, all of the possible factors that cause increased stress have to be taken into account and investigated. One of the factors that is often overlooked is

perfectionism. The aim of this study is to explore the links between occupational stress and three dimensions of perfectionism in teachers with the goal to contribute to the previous research in this area by providing findings on the Russian population. The following hypotheses were formulated:

H1: Socially prescribed perfectionism will be positively correlated with higher occupational stress level in Russian primary and secondary school teachers.

H2: Self-oriented perfectionism will not be correlated with higher occupational stress level in Russian primary and secondary school teachers.

Methods: In the present study participated 66 primary and secondary school teachers from three different Russian schools. All of the participants were Russian citizens. A convenience sampling method was used. Participants were asked to complete two self-administered questionnaires, informed consent forms, and debriefing form. There was no time-limit for completing the questionnaires. Two scales were used for collecting data: Multidimensional Perfectionism Scale (MPS) and Perceived Stress Scale (PSS).

Multidimensional Perfectionism Scale is a scale developed to measure the level of perfectionism and determine the nature of its components in individuals [5]. The scale contains 45 statements. Participants expressed the degree to which they agree or disagree with the statements using a 7-point Likert scale. The scale consists of three subscales. Each subscale measures the degree of expression of one of the dimensions of perfectionism. The sum of scores on all three subscales reflects the overall level of perfectionism. The scale is valid and reliable, however, Cronbach alpha is not mentioned [5]. The scale was adapted and translated for Russian population by Vodopyanova [14].

Perceived Stress Scale was developed for measuring "the degree to which situations in one's life are appraised as stressful". [1] Only 10 items from the scale are included in the modern version. Participants needed to indicate the level of agreement with each statement using 5-point Likert scale. The higher the score, the higher the level of perceived stress. Although, this scale was primarily designed for measuring general stress, in this research participants were asked to answer questions referring to their experiences at work, where possible. The scale was translated according to the requirements of the procedure, including back translation.

Results: in the present study, it was analyzed whether Stress level and two types of perfectionism (Self Oriented and Socially Prescribed) are interconnected. All the analyses were completed using IBM SPSS Statistics. Spearman's correlation was used to investigate the nature of relationships between the variables.

Cronbach's alpha (α) level was calculated in order to estimate the reliability of the instruments, including each scale and subscale. Perceived Stress Scale yielded $\alpha = .86$, Multidimensional Perfectionism Scale (total score) had $\alpha = .82$, Self Oriented Perfectionism subscale had $\alpha = .72$, Other Oriented Perfectionism

subscale had $\alpha = .67$, Socially Prescribed Perfectionism had $\alpha = .61$.

In the present study, there was a total of 66 participants, 58 (87.9 %) out of them were females and 8 (12.1 %) were males. The average age of participants was 49.97 (SD = 9.94), and the average working experience was 23.32 (SD = 11.75; min = 0.5, max = 46). In addition, there were 32 (48.4 %) primary school teachers, 24 (36.4 %) secondary school teachers, and 10 (15.2 %) teachers who indicated that they work both as primary and as secondary school teachers. On average, participants reported that they have been working in their current institution for 11.44 years (SD = 9.84; min = 0.5, max = 33). Furthermore, the mean score for Stress scale was 10.67 (SD = 5.83; range of scores from 1 to 26), for Self-Oriented Perfectionism the mean score was 65.48 (SD = 10.44; range of scores from 35 to 90), for Other Oriented Perfectionism the mean score was 51.83 (SD = 9.704; range of scores from 29 to 76), and for Socially Prescribed Perfectionism the mean

score was 53.64 (SD = 8.76; range of scores from 38 to 82).

Hypothesis 1: Socially prescribed perfectionism will be positively correlated with higher occupational stress level in Russian primary and secondary school teachers. According to the scatter plot (see figure 1), the relationship between Stress and Socially Prescribed Perfectionism was linear. Before performing correlational analysis, assumption for normality was checked. Using the Shapiro–Wilk test of normality, it was indicated that Stress scale data was not normally distributed ($p = 0.28$), while data for all of the three Perfectionism subscales was normally distributed. As data for one of the variables was not normal ($p = 0.28$), nonparametric test was used.

Spearman's Rank-Order Correlation was used in investigating the relationships between Stress level and Socially Prescribed Perfectionism. Results showed that there is a significant positive correlation between variables ($r_s(64) = .34$; $p < .05$). Therefore, the first hypothesis was supported.

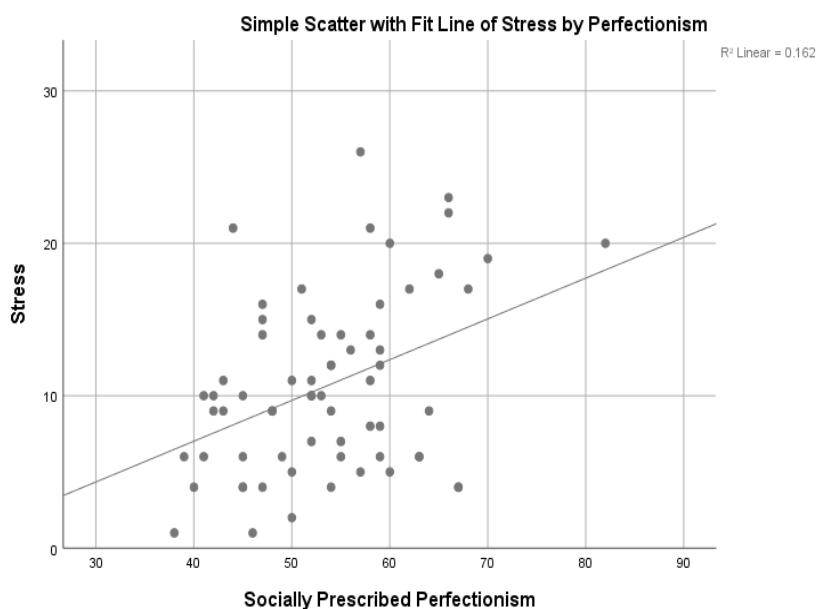

Figure 1. The scatter plot of the correlation between Stress and Socially Prescribed Perfectionism

Hypothesis 2: Self-oriented perfectionism will not be correlated with higher occupational stress level in Russian primary and secondary school teachers

According to the scatter plot (see figure 2), the relationship between Stress and Self-Oriented Perfectionism was linear. Spearman's Rank-Order

Correlation was used in investigating the relationship between Stress level and Self Oriented Perfectionism. Data showed that there was no significant correlation between the variables ($r_s(64) = -.13$; $p > .05$). Therefore, the second hypothesis was supported.

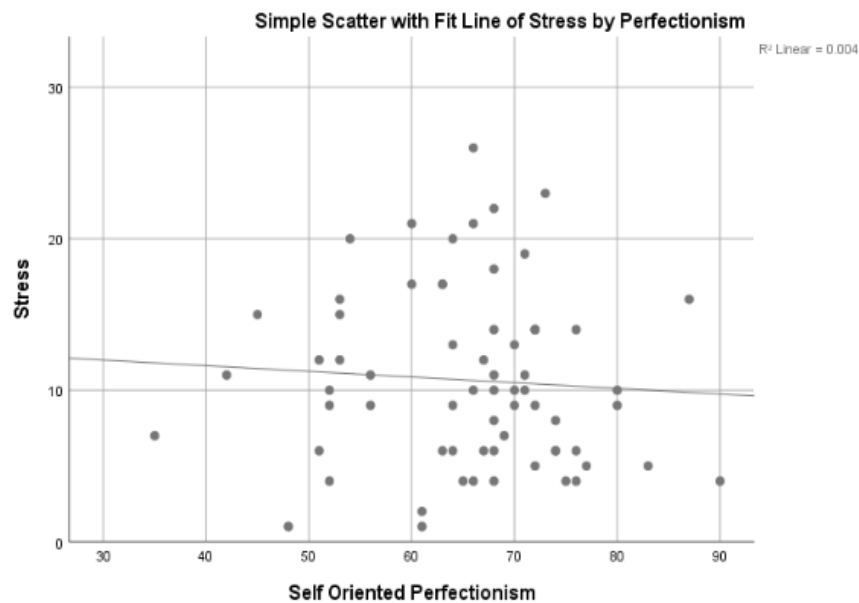

Figure 2. The scatter plot of the correlation between Stress and Self-Oriented Perfectionism

Discussion: The study examined the links between the three dimensions of perfectionism and occupational stress and showed that perfectionism is an important factor that contributes to the occupational stress in Russian teachers. Furthermore, as in previous studies, perfectionism appeared to have the opposite effect depending on its dimension in terms of occupational stress. In relation to the first hypothesis, the analysis of the results showed that there is a positive correlation between occupational stress and socially prescribed perfectionism. This finding corresponds with similar research in this area that had been done before [5, 13]. In their studies with teachers, it was also revealed that socially prescribed perfectionism was positively correlated with the occupational stress level. This means that professionals in this area who score high on socially prescribed perfectionism and have a tendency to experience perceived pressure for excellence from others may have an increased occupational stress level.

In relation to the second hypothesis, the relationship between self-oriented perfectionism and occupational stress were not significantly correlated in the present sample. Hewitt, Flett & Hallett and Stoeber & Rennert arrived at similar results, stating that self-oriented perfectionism was not significantly correlated with the measures of teachers' stress [6, 13]. Therefore, teachers who score high on self-oriented perfectionism and have high internal standards and strive for excellence do not necessarily have an increased occupational stress level.

The nature of the present findings can be partially explained by the tendencies among perfectionists in terms of coping with stress. Maladaptive perfectionists typically choose less advantageous coping strategies (e.g., emotion-based) than adaptive perfectionists (e.g., would choose problem-focused) [10]. In turn, socially prescribed perfectionism has a stronger association with the maladaptive characteristics of perfectionism rather than self-oriented [7]. Moreover, it was revealed that self-oriented perfectionism can become entirely

adaptive with the absence of socially prescribed perfectionism. Therefore, the absence of significant correlation between self-oriented perfectionism and occupational stress can be explained by the general ability of the individuals with this characteristic to cope with stress more effectively compared with individuals with the socially prescribed perfectionism dimension.

Vice versa, since socially prescribed perfectionists tend to use less effective coping strategies, they have a greater chance to be exposed to the increased stress level. A possible explanation of why self-oriented perfectionists tend to use more effective strategies in comparison to the socially prescribed perfectionists is their propensity to view a potential problem as a challenge [13]. In a situation when they face a problem, self-oriented perfectionists tend to do their best in order to eliminate it, instead of stressing out [13]. Thus, possibly, the main problem associated with perfectionism in terms of stress is that it prevents the professionals from viewing problems in a healthy way and from appealing to the more effective coping strategies.

These findings can also be explained by the fact that some teachers experience an increased pressure from the parents of their students. Out of ten major stressors in teachers, being evaluated by others is one of the main problems related to teaching [9]. In addition, "perceived pressure from students' parents was positively related to burnout" [13]. Based on these two explanations, it is possible to make an assumption that socially prescribed perfectionism predicts higher level of occupational stress in the field of teaching due to the fact that professionals experience a great pressure from the parents of their students. In turn, those individuals who are oriented to their own high standards only (self-oriented perfectionists) are less affected by the external criticism and consequently experience less stress. It is also logical to presuppose that people who have developed a desire for perfection and high standards before getting into the field can fall into the maladaptive socially prescribed form of

perfectionism later during their career due to frequent criticism that is typical for this occupation.

Implications

The present study provides additional support for the findings that were revealed in the previous research on this topic. In fact, up to this point, there are only two studies that have looked at the relationships between different types of perfectionism and stress level in teachers. One study was conducted with a sample of Canadian school teachers, and another took place in Germany [6, 13]. Both studies had similar results in terms of the effects that perfectionism has on stress in teachers. However, in the latest literature, there is no investigation that looks at the relationships between these variables in the teaching occupation outside of Europe or North America. Thus, the main contribution of this study is that it demonstrated that the same phenomenon also exists among the Russian population. The finding of this study can be applied in recruitment. Candidates with the potentially harmful personality trait of perfectionism can be additionally assessed in terms of their stress resistance and their psychological fitness to work with children. In addition, making this information available, those professionals who are already involved in the field of teaching and experience difficulties with perfectionism would be able to recognize the existing problem and reduce its effect by seeking professional help. Finally, this knowledge is valuable in school-based prevention programmes against occupational stress.

Conclusion

The aim of this study is to explore the links between occupational stress and three types of perfectionism in school teachers with the goal to contribute to the previous research in this area by providing findings on the Russian population. In particular, the study investigated whether there is a positive correlation between self-oriented, other-oriented, socially prescribed perfectionism and occupational stress in this particular occupation. The results showed that only one dimension of perfectionism (socially prescribed) is positively correlated with occupational stress level.

References

1. Cohen, S., Kamarck, T., & Mermelstein, R. A global measure of perceived stress // *Journal of health and social behavior*. — 1983. — C.385-396.
2. Dupriez, V., Delvaux, B., & Lothaire, S. Teacher shortage and attrition: Why do they leave? // *British Educational Research Journal*. — 2016. — № 42(1). — C.21-39.
3. Guglielmi, R. S., & Tatrow, K. Occupational stress, burnout, and health in teachers: A

methodological and theoretical analysis // *Review of educational research*. — 1998. — № 68(1). — C.61-99.

4. Hakanen, J. J., Bakker, A. B., & Schaufeli, W. B. Burnout and work engagement among teachers // *Journal of school psychology*. — 2006. — № 43(6). — C.495-513.
 5. Hewitt, P. L., & Flett, G. L. Perfectionism in the Self and Social Contexts: Conceptualization, Assessment, and Association With Psychopathology // *Journal Of Personality & Social Psychology*. — 1991. — №60(3). — C. 456-470.
 6. Hewitt, P. L., Flett, G. L., & Hallett, C. J. Perfectionism and job stress in teachers // *Canadian Journal of School Psychology*. — 1995. — №11(1). — C.32-42.
 7. Klibert, J. J., Langhinrichsen-Rohling, J., & Saito, M. Adaptive and maladaptive aspects of self-oriented versus socially prescribed perfectionism // *Journal of College Student Development*. — 2005. — №46(2). — C.141-156.
 8. Kokkinos, C. M. Job stressors, personality and burnout in primary school teachers // *British Journal of Educational Psychology*. — 2007. — №77(1). — C.229-243.
 9. Kyriacou, C. Teacher stress: Directions for future research // *Educational review*. — 2001. — №53(1). — C.27-35.
 10. Mearns, J., & Cain, J. E. Relationships between teachers' occupational stress and their burnout and distress: Roles of coping and negative mood regulation expectancies // *Anxiety, Stress & Coping*. — 2003. — №16(1). — C.71-82.
 11. Rice, K. G., & Lapsley, D. K. Perfectionism, coping, and emotional adjustment // *Journal of College Student Development*. — 2001 — №42(2). — C.157-168.
 12. Stoeber, J., & Otto, K. Positive conceptions of perfectionism: Approaches, evidence, challenges // *Personality and social psychology review*. 2006. — №10(4). — C.295-319.
 13. Stoeber, J., & Rennert, D. Perfectionism in school teachers: Relations with stress appraisals, coping styles, and burnout // *Anxiety, stress, and coping*. — 2008. — №21(1). — C.37-53.
 14. Vodopyanova, N. E., & Starchenkova, E. S. Burnout syndrome: diagnostics and prevention // *SPb.: Piter*. — 2005. — C.336.
- Internet resources
15. The World Needs Almost 69 Million New Teachers To Reach The 2030 Education Goals. (2016, October 5) // URL: <http://uis.unesco.org/> (Retrieved November 17, 2017)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-116'06
ГРНТИ 16.21.39

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Савицкая Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета,

г. Самара

АННОТАЦИЯ

В статье ставится цель установить характер соотношения между особенностями грамматики языка и спецификой мышления народа – носителя данного языка. Критикуются взгляды тех лингвистов, которые проводят подобного рода параллели слишком прямолинейно и к тому же с идейно-пропагандистским уклоном. Показывается относительная автономия грамматики языка от психологии народа. Путем применения сравнительного метода демонстрируется, что грамматика языка определяет скорее стратегию языкового мышления, нежели черты национального характера. Исследование проведено на материале английского и русского языков.

ABSTRACT

The aim of the article is to establish the nature of the relationship between grammatical features of a language and the peculiarities of its native speakers' thinking. The author criticizes the views of those linguists who draw too straightforward parallels and are ideologically biased. Relative autonomy of grammar from ethnic psychology is demonstrated. On the basis of the comparative method the author shows that the grammar of the language determines the strategy of language thinking rather than traits of national character. The research is based on the English and Russian language material.

Ключевые слова: инкорпорирующий / эргативный / номинативный строй языка, этнический менталитет, семантическая роль, безличная конструкция

Keywords: incorporating / ergative / nominative structure of language, ethnic mentality, semantic role, impersonal construction

Введение

По А.Ф. Лосеву [4], в процессе культурно-исторического развития языковое мышление людей проходит несколько стадий, каждой из которых соответствует определенный грамматический строй языка; в свою очередь, каждому строю языка присущ свой тип грамматического предложения.

В ходе эволюции человеческого мышления языки последовательно проходили инкорпорирующую, эргативную и номинативную стадии. Первая из них – самая ранняя. В древнейшие времена человек, с его слаборазвитым Я, был еще не способен проводить отчетливое противопоставление между Я и окружающим миром. Мир (внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для него практически тождественны. Отсюда проистекал полисинтетизм грамматического предложения (точнее, прото-предложения, именуемого инкорпоративным комплексом): в его составе субъект еще не выделялся (или, по крайней мере, нечетко выделялся) из действительности как самостоятельная сущность.

На следующей – эргативной – стадии субъект уже выделялся, однако субъектом был не человек. Человек позиционировал себя как орудие в руках субъекта. Вместо *Волка убил охотник* предложение строилось по схеме *Волка убило охотником* (ср. с русской конструкцией *Ивана убило молнией,*

Ветром сорвало крышу). В качестве субъекта действия выступало выражающее соответствующей формой глагола некое *Оно* – сверхъестественное существо, причина и инициатор всего происходящего в мире. В частности, *Оно* убило Ивана молнией, а волка – охотником. Охотник мыслился не как инициатор действия, а как инструмент инициатора (божества, идола и т.п.). Люди еще не чувствовали себя хозяевами мира: слишком слабы и беспомощны они были перед природными стихиями в древние времена.

Наконец, на номинативной стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, ощутил себя хозяином жизни и инициатором действий. Образно говоря, человек ссадил божество с престола и уселся на него сам. В морфологии языка возник самостоятельный, независимый падеж существительного – номинативный. Он противопоставлен косвенным падежам в том плане, что он не управляется глаголом. В синтаксисе возникло «гордое» подлежащее, существующее само по себе и диктующее сказуемому лицу, число, а порой и грамматический род.

Основная часть

В XX – XXI столетиях появился целый ряд исследований, в рамках которых предпринимались попытки увязать особенности грамматического строя языка с особенностями характера народа –

носителя данного языка. В частности, С.Г. Тер-Минасова [5], Ю.В. Чернавская [7], А. Вежбицкая [1], [2], [3], К. Годдард [8] и другие выдвинули тезис: в английском предложении подлежащее в большинстве случаев выражено именем существительным в номинативном падеже, который передает семантическую роль “агенса”, что, по мнению вышеперечисленных лингвистов, свидетельствует об активности, инициативности и самостоятельности англосаксов – хозяев своей судьбы, покорителей мира и кузнецов своего счастья. Согласно этому тезису, такой строй языкового мышления стимулирует активные действия и способствует достижению жизненного успеха.

По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с нуль-подлежащим или с подлежащим в косвенном падеже свидетельствует о пассивности русских, их фатализме, покорности и неспособности выступать в качестве хозяев жизни и своей судьбы. В порядке подтверждения приводились парные примеры: англ. *Wow, I did it!* – рус. *Ура, у меня получилось!* Подчеркивалось: англосакс сделал дело, а у русского оно «само» получилось.

Это различие отмечалось упомянутыми исследователями при описании не только действий, но и состояний. Ср. англ. *John feels sad* и рус. *Ивану грустно*. Англосакс подан как субъект душевного состояния (имя актанта стоит в номинативе), а русский – скорее как его объект (душевное состояние как бы пришло к нему извне, помимо воли, о чем свидетельствует дативная форма имени актанта).

Такие утверждения лишь на первый взгляд кажутся убедительными. Более тщательный анализ позволяет увидеть шаткость этой аргументации. Мы имеем обоснованные возражения против вышеприведенного тезиса.

Наблюдения показывают: нельзя утверждать, что английская личная конструкция с глаголом в действительном залоге носит сугубо **агентивный** характер. Поскольку агентс есть деятель (сознательный инициатор действия), эта семантическая роль входит в падежный фрейм **только** акциональных глаголов. Однако в английском предложении подлежащее сочетается не только с акциональными, но и с любыми другими глаголами и выражает не только агентс (John made), но и все другие семантические роли:

- пациенс, т.е. претерпевающий (John underwent),
- перцептив, т.е. воспринимающий (John heard),
- статив, т.е. пребывающий в состоянии (John slept),
- релятив, т.е. находящийся в отношении (John belonged),
- перцептив, иначе называемый экспериенцер, т.е. ощущающий (John felt),

- локант, т.е. находящийся в каком-либо месте (John was inside),

- локатив, т.е. вмещающий (John held beer in his belly) и др.

Этот факт **не** позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге говорит об активном, деятельном характере англосаксов. Они и вправду деятельные, но вызывает большие сомнения существование каузальной связи между этой чертой национального характера и этой конструкцией. На наш взгляд, она частотна **не** поэтому, а потому, что английская грамматика с ее бедным флексийным фондом не допускает практически никаких других морфологических форм подлежащего и, в частности, формы датива. У имени существительного в английском языке попросту нет датива, а потому нет и дативной конструкции.

Английское подлежащее стоит не в номинативном, а в **общем** падеже, отличающемся от номинативного в ряде аспектов. Поскольку современное английское существительное имеет только два падежа (притяжательный и общий), общий падеж (порой сопровождаемый предлогом) поневоле выражает **все** падежные значения, иногда и посессивное; потому его и именуют общим.

По-русски можно сказать *Ивана зашатало*, т.к. форма винительного падежа существительного (*Ивана*) передает семантическую роль “пациенса”, а глагольная форма 3-го лица ср. рода ед. числа (*зашатало*) подразумевает нуль-подлежащее в семантической роли “агенса”. В английской грамматике такая конструкция просто невозможна, поскольку у существительного нет винительного падежа, у глагола нет рода, а в прошедшем времени нет и лица. Английская морфология бедна, поэтому большую роль играет синтаксис – в частности, позиция подлежащего, обретшая функциональный универсализм.

Мысль о том, что кого-то зашатало, англосаксы вынуждены выражать так: *John staggered*. Это не номинативный и не винительный, а общий падеж, и Джон – не деятель, а носитель состояния, который в данной ситуации **лишен** агентивности. В таких случаях его агентивность – иллюзия. Нельзя задать вопрос *What did John do?* и ответить: *He staggered*, поскольку *staggered* – **не** действие. Джон ничего не сделал; с ним что-то произошло (*What happened to John?* – *He staggered*), и он – **пассивная** сторона, в какой бы форме ни стояло его имя. Это не вопрос особенностей менталитета народа; это вопрос возможностей грамматики языка.

Что касается архаичной конструкции *methinks / meseems*, она возможна потому, что у английского местоимения, в отличие от существительного, есть номинативный и объектный падежи, а у глагола есть форма 3-го лица, то есть по той же причине, по которой эта конструкция возможна в русском языке (*мне думается / кажется*). Но с английскими **существительными** эта конструкция невозможна (ведь, кроме посессива, у них нет форм косвенных

падежей и, в частности, датива), а с русскими – возможна (*Ивану думается / кажется*), поскольку у русских имен существительных имеется датив.

Подчеркнем: конструкций типа *У меня не вышло* в английском языке нет **не** потому, что англосаксы – хозяева собственной судьбы, а потому, что у английского существительного нет косвенных падежей, кроме possessивного. Англосаксы **вынуждены** во всех случаях применять форму общего падежа: *У меня не вышло – I failed*. Эта английская конструкция ничуть не агентивнее русской: ведь лузер – не хозяин положения. Как видим, причина всего этого носит не культурный и не психологический, а лингвистический характер; она состоит в дефиците

падежных форм и, как следствие, в функциональном универсализме общего падежа.

Вот если бы англосаксы, строя речь, намеренно ставили подлежащее в номинативную форму при наличии альтернативы – косвенных падежей – то можно было бы говорить о гордом духе народа – хозяина мира, который выбирает номинатив как средство обозначения себя и предпочитает его всем остальным. Но в английском языке практически **нет** такой альтернативы (а значит, и выбора). Любому падежу русского существительного соответствует общий (а не номинативный!) падеж английского существительного:

Табл. 1.

Русско-английские падежные соответствия

русский язык			английский язык		
аргумент	падеж	предикат	аргумент	падеж	предикат
Иван	номинативный	строит	John	общий	builds
Ивана	родительный	нет дома	John	общий	is out
Ивану	дательный	снится	John	общий	dreams of
Ивана	винительный	трясет	John	общий	shakes
Иваном	творительный	восхищаются	John	общий	is admired
Об Иване	предложный	спорят	John	общий	is disputed

Как видим, носители английского языка обо всем говорят в общем падеже. Ничего другого им не остается – ведь, как упоминалось, у имени существительного в английском языке нет косвенных падежей, помимо притяжательного. Мы полагаем, что дело здесь не в менталитете английского народа, а в строе английского языка.

По логике вещей, в **любом** языке, который характеризуется дефицитом

падежей, дело обстоит так же, какому бы народу с каким бы менталитетом этот язык ни принадлежал. Общий падеж подлежащего – еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя кузнецами своего счастья, строителями и властителями своей судьбы и т.п.

Бедность английского флексийного фонда привела к обязательности наличия подлежащего в общем падеже (у существительного) или номинативе (у местоимения); иначе фраза непонятна. Русский человек может сказать *Меня швырнуло оземь*, а англосакс не может сказать **Me hurled on the ground*, т.к. дефицит флексий не позволяет понять, кто кого швырнул. Приходится употреблять подлежащее в номинативе при сказуемом в пассиве: *I was hurled on the ground*. В такого рода употреблении грамматических форм гордый дух «хозяина своей судьбы», брошенного на землю, совершенно ни при чем.

В наше время на Земном шаре **сосуществуют** языки инкорпорирующие, эргативные и номинативные. Языки первых двух типов принадлежат отнюдь не только культурно отсталым, но и цивилизованным народам. Однако это не означает, что носители таких языков, будучи цивилизованными, мыслят архаично (это было бы противоречием в терминах). Архаические черты

этих языков давно уже стали условностью; она не мешает мыслить современно, несмотря на употребление архаичных языковых форм. На глубинном уровне языкового мышления носители таких языков думают цивилизованно и лишь на поверхностном уровне оформляют мысль на старинный лад.

Исследования по универсальной грамматике, генеративной семантике и семантическому синтаксису показали, что грамматики языков мира имеют семантический инвариант, который можно описать в виде семантических ролей – не столько по версии Ч. Филлмора [6]), которая зависит от характера семантики английских глаголов, сколько по версии Дж. Грубера [9], которая носит долексический характер и определяется не семантикой глаголов того или иного отдельного языка, а ролевой структурой обозначаемой ситуации. В разных языках одни и те же грамматические значения часто выражаются неодинаковыми морфологическими формами.

Заключительная часть

Отсюда следует вывод: прогрессивный строй мышления, ставящий субъекта во главу угла и позиционирующий человека (а не божество или демона) как господина положения и хозяина жизни, свойствен современным цивилизованным людям, и он в целом не зависит от типа грамматики их языков (хотя какое-то реликтовое влияние может в небольшой степени сохраняться). Мышление (вещь подвижная) опередило грамматику (вещь довольно консервативную). Говоря по-старому, современные люди мыслят по-новому. По нашим наблюдениям, нет жесткой обусловленности строя мышления строем языка. Этот тезис находится в русле умеренной версии гипотезы Сепира – Уорфа и

служит возражением против идей, выдвигаемых сторонниками зависимости грамматики от национального характера.

Список литературы

1. Вежицкая А. Русский язык // А. Вежицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88. [Wierzbicka A. Russkiy Yazyk // A. Wierzbicka. Yazyk. Kultura. Poznaniye. M.: Russkiye slovari, 1996. – S. 33-88. (In Russ.)]
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с. [Wierzbicka A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. M.: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1999. – 780 s. (In Russ.)]
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. [Wierzbicka A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo kluchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2001. – 288 s. (In Russ.)]
4. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: изд-во Московского гос. ун-та, 1982. – С. 280-407. [Lossev A.F. O tipakh grammaticheskogo

predlozheniya v svyazi s istoriyej myshleniya // A.F. Lossev. Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu. M.: izd-vo Moskovskogo gos. un-ta, 1982. – S. 280-407. (In Russ.)]

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 146 с. [Ter-Minassova S.G. Yazyk I mezhkulturnaya kommunikatsiya. M.: SLOVO, 2000. – 146 s. (In Russ.)]

6. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495. [Fillmore Ch. Delo o padezhe // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. M.: Progress, 1981. – S. 369-495. (In Russ.)]

7. Чернавская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. Минск: изд-во «Беларусь», 2000. – 421 с. [Chernavskaya Yu.V. Narodnaya kultura I natsionalnye traditsii. Minsk: izd-vo “Belarus”, 2000. – 421 s. (In Russ.)]

8. Goddard C. Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 337 p.

9. Gruber G. Studies in Lexical Relations. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1970. – 224 p.

УДК 81-2

СЛОВА С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585)

Федосеева Л. Н.

*Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

Алексеева Т. Е.

*Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются локативы в функции обстоятельства в русле функционально-коммуникативной грамматики. Функция языковой единицы понимается авторами как способ привлечения к достижению определённых целей. У каждого члена предложения есть грамматический стержень, составляющий его типичную языковую оболочку. Авторы исходят из того, что все формы обстоятельства группируются вокруг наречий, соотносятся с наречиями, то есть последние являются грамматикализованным ядром выражения данного члена предложения, и приходят к выводу, что центральными формами обстоятельства места являются местоименные и обстоятельственные наречия, в роли обстоятельства места выступают также фразеологические сочетания наречного характера и имена существительные, входящие в качестве зависимых слов в разные типы словосочетаний, выражающих локативную семантику. Однако, по мнению авторов, следует учитывать, что имя существительное является первичной формой выражения локативности. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, обычно прибегают к имени существительному (с предлогом или без него).

Основополагающим в данной работе явился функционально-семантический подход, интегрирующий лексические и грамматические средства на основе общности их функций. Предметом рассмотрения стали единства, имеющие функционально-семантическую основу, что позволило осуществить многоаспектное изучение и описание исследуемого явления. При этом семантическая составляющая языковых фактов, так же как и в структурно-семантических исследованиях, остаётся важнейшей.

ABSTRACT

The article deals with the locatives in the function of an adverbial modifier in terms of functional-communicative grammar. The authors consider the function of a language unit as a way of attaining certain goals. Each member of the

sentence has a grammatical core that makes up its typical language expression. The authors believe that all types of adverbial modifiers are grouped around adverbs and correlate with adverbs, the latter being the grammatical core of this member of the sentence. The authors draw the conclusion that the main forms of the adverbial modifiers of place are the pronominal and circumstantial adverbs. The phraseological units of adverbial nature as well as the nouns included into different types of word combinations of locative semantics as dependent elements may also function as adverbial modifiers of place. However, according to the authors it should be taken into account that noun is the primary form of expressing locativity. Whenever it is necessary to localize an object for the first time, regardless of the context or situation, one usually resorts to a noun (with or without a preposition).

The functional-semantic approach that integrates lexical and grammatical means on the basis of their common functions is the fundamental one in this research. The units with the functional semantic basis have been studied making it possible to carry out multifaceted investigation and description of the phenomenon. Nevertheless, the semantic component of the linguistic facts as well as of the structural-semantic research is still the most important one.

Ключевые слова: локативы, функция, обстоятельство, наречие, обособленное обстоятельство, синкретизм.

Keywords: locatives, function, adverbial modifier, adverb, detached modifier, syncretism.

Любая реалья обладает различными функциональными качествами, которые не являются равноправными. «Понятие функции связано с понятием целевого назначения, независимо от того, создаётся ли это назначение природой или человеком. Следует, таким образом, различать понятия: функция, использование и эффект. Функция структурно обусловлена: объект возникает или создаётся с определённой целью, благодаря достижению которой сохраняется объект или система в целом. Но назначение может меняться. В таком случае следует говорить о вторичной, переносной функции объекта. Например, первичной функцией пуговиц является застёгивание одежды. Но иногда они нашиваются для украшения платья, и в этом случае они выступают в переносной, вторичной функции. Использование (употребление) отличается от функции непредусмотренностью системой, но сближается с функцией целенаправленностью действия, в котором проявляется функция. Использование носит нерегулярный характер. ... И, наконец, эффект характеризуется нецеленаправленностью» [1, с. 181].

Таким образом, любая сущность обладает функциональными качествами нескольких видов: теми, что формируются функцией, а также использованием (применением) и эффектами. Это открытое множество постоянно пополняется благодаря новым способам привлечения реальности к достижению определённых целей. «Однако в этом множестве есть центр, ядро, главное функциональное качество, являющееся подлинным предназначением реальности, смыслом, причиной её возникновения и существования в социуме. Представляется именно это ядро именовать функцией реальности. Итак, функция – это то, для чего реалья существует в мире человека; это смысл существования реальности в очеловечиваемом Универсуме; именно функция предопределяет природу реальности», – справедливо отмечает А.Н. Рудяков [2, с. 32]. Функция языковой единицы нами понимается как способ её привлечения к достижению определённых целей.

Наиболее частым носителем локативного значения в предложении является обстоятельство. Наша задача – охарактеризовать локативы в функции обстоятельства в русле функционально-коммуникативной грамматики [3, с. 263-273].

У каждого члена предложения есть грамматический стержень, составляющий его типичную языковую оболочку. Все формы обстоятельства группируются вокруг наречий, соотносятся с наречиями, то есть последние являются грамматикализованным ядром выражения данного члена предложения. Центральными формами обстоятельства места являются местоименные и обстоятельственные наречия: *туда, оттуда, откуда, куда, сюда, там, здесь, впереди, внутри, слева, направо* и т.п. Сюда же относятся и сочетания, являющиеся эквивалентами этих наречий: *в каком месте, в каком направлении* и т.п.

В роли обстоятельства места выступают также фразеологические сочетания наречного характера и имена существительные, входящие в качестве зависимых слов в разные типы словосочетаний, выражающих локативную семантику (за исключением тех случаев, когда это значение выступает переносно, а также если оно имеет оттенок значения объектных или каких-либо других отношений).

Упоминание различных внешних обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами, – явление в русском языке не новое. Вспомним зачин многих русских народных сказок: «В некотором царстве, в некотором государстве...». Г.Н. Акимова отмечает: «...в течение многих веков в истории русского синтаксиса <...> были представлены семантические группы обстоятельств – преимущественно места и времени, что связано с самой их сущностью – указывать локальные и темпоральные границы высказывания. Активизация детерминирующих обстоятельств выражается как в повышенной частотности, так и в возросшем их разнообразии» [4, с. 86].

Обстоятельства места по значению подразделяются на три основные группы:

- 1) обстоятельства, обозначающие собственно место;
- 2) обстоятельства, обозначающие направление движения: а) общее направление; б) исходный пункт; в) конечный пункт;
- 3) обстоятельства, обозначающие путь движения, то есть трассу.

Обстоятельства, обозначающие собственно место, выражаются:

1) местоименными и обстоятельственными наречиями места (*там, здесь, вверху, позади, впереди, слева* и др.);

2) формами косвенных падежей имён существительных, называющих место, пространство, помещение, территорию и т.п., или употреблённых в одном из таких значений: а) формами родительного падежа с предлогами *близ, у, около, возле, вдоль, вблизи от* и др., б) формами творительного падежа с предлогами *за, над, под, между, рядом с* и др., г) формами предложного падежа с предлогами *в, на, при* и др.;

3) фразеологическими сочетаниями наречного характера (*на волосок, не за горами, на отшибе* и др.).

В функции обстоятельств, обозначающих общее направление движения, без указания исходного или конечного его пункта, выступают:

1) местоименные и обстоятельственные наречия (*туда, сюда, вперёд, вверх, вниз* и др.);

2) фразеологические сочетания наречного характера (*куда Макар телят не гонял, куда глаза глядят* и др.).

Обстоятельства места, обозначающие исходный пункт действия, движения, представлены:

1) местоименными наречиями (*отсюда, оттуда, откуда* и др.),

2) формами родительного падежа имён существительных с предлогами *из, из-за, из-под, с, от*.

Обстоятельства, обозначающие конечный пункт движения, выражаются:

1) местоименными наречиями (*докуда, досюда, дотуда* и др.),

2) именами существительными а) в форме родительного падежа с предлогом *до*, б) в форме дательного падежа с предлогом *к*, в) в форме винительного падежа с предлогами *в (во), на, за, под*.

Обстоятельства, обозначающие путь движения, выражаются именами существительными а) в форме творительного падежа без предлога, б) в форме дательного падежа с предлогом *по*, в) в форме родительного падежа с предлогом *вдоль*, г) в форме винительного падежа с предлогами *через, сквозь*, д) в форме творительного падежа с предлогами *по-над, по-за* и др.

Приведём примеры употребления фразеологических сочетаний наречного характера в качестве обстоятельств места.

1. *Оцетиненный можжевельник там и сям оживлял прибрежную картину, и, замочаленный льдом по весне и большой водой, измученно лнул к берегу ивняк* (Астафьев); *Независимо от сообщения о Ялтинском самозванце, Варенуха опять принялся по телефону разыскивать Степу где попало и, натурально, нигде его не нашёл* (Булгаков); *Ничего, будут и её дети докторами медицины, и не в какой-то Швейцарии, на краю света, а в великой стране, стране на шестую часть планеты* (Рыбаков).

2. *У неё был рассеянный вид, как будто мысли – где-то за тридевять земель* (Белоусова); *Я подумал, что чекисты повезут меня сейчас Бог знает куда* (Кю); *И пошла вперёд без ориентира, которого, собственно, в этой местности и не*

было, без намеренного направления, куда глаза глядят (Улицкая).

В первом случае фразеологические сочетания наречного характера обозначают собственно место, во втором – общее направление движения.

Итак, в традиционной грамматике локум классифицируется как обстоятельство, не без основания считается, что ведущей формой выражения его является наречие (типа *там, туда, далеко, позади* и т.п.). Однако следует учитывать, что имя существительное является первичной формой выражения локативности. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, обычно прибегают к имени существительному (с предлогом или без него). Ср.: *Тюрин велел Павлу, помощнику, идти с ним в контору. Туда же и Цезарь свернул* (Солженицын) или *Ползут по полю два бойца, вдруг рядом взрыв* (Гришкoveц).

Наречие места выступает как вторичное средство обозначения пространства в условиях дейксиса или анафоры. Таким образом, обстоятельства места являются по своей сути субстантивной категорией [5].

Обстоятельство обслуживает главным образом сказуемое, а из его форм – глагол, обеспечивая полноту его лексического значения, а иногда и замещая его (см. выше). Сказуемое – главная область применения обстоятельства, главная его сфера. За пределы сказуемого, как и за пределы глагольной формы сказуемого, выходят лишь немногие типы обстоятельств. Например, к обстоятельствам примыкают прилагательные, которые близки к глаголу. Так, в предложении *Среди бумаги были вытоптаны тропки, водопойная и пищевая, к столу и к ванной, на газетных листах, уложенных поверх исписанной бумаги, образованы были чайные поляны с компаниями бурых от заварки изнутри и грязных снаружи разнообразных чашек* (Улицкая) обстоятельство места *снаружи* используется при прилагательном, имеющем предикативную (краткую) форму и выступающем в роли сказуемого со связкой *быть* при перестройке данного предложения: *... чашек, которые были грязны снаружи*.

Нередко обстоятельства распространяют и второстепенные члены предложения, например находятся в составе распространённых определений (главным образом причастных оборотов): *Уже позади стоящие вблизи от алтаря, обитые красным бархатом кресла, отгороженные от людей золотым шнуром* (Эфрон). В.М. Никитин называет такие обстоятельства «включёнными» [6, с. 131].

Среди обособленных обстоятельств места в зависимости от способа их выражения выделяются две группы:

1) обособленные обстоятельства, выраженные деепричастием – одиночным или распространённым;

2) обособленные обстоятельства, выраженные наречием или именем существительным с предлогом – также одиночным или с относящимися к нему словами.

Стержнем обособленных деепричастных оборотов является деепричастие, которое входит в систему глагольных форм, однако значение

добавочного (второстепенного) сказуемого у деепричастий в современном русском языке является дополнительным, основным в их семантике выступает значение обстоятельства (образа действия, времени, причины, условия и др.). Обстоятельств места в этой классификации нет. Однако нередко к указанной семантике примешивается пространственное значение, например: *Обойдя стол и перешагнув через лежащую на боку табуретку, он приблизился к дверному проёму, закрытому старенькой занавеской* (Геласимов). Следует отметить, что локативная семантика здесь передаётся преимущественно лексическим способом. Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями, в этом случае обычно относятся к глагольным сказуемым как определяемым словам. Однако они могут входить и в группу сказуемого, выраженного страдательным причастием. Ср.: *Спеши на званый тир по улице презральной, вчера был поражён я сценой безобразной...* (Н. Некрасов); *Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка...* (Л. Толстой); *В полдень, переходя на станции через рельсы, он был оглушён неожиданным свистком паровоза, испугался и, сам того не заметив, пришёл в дурное настроение...* (Куприн).

Сравнительно редко обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, употребляются при членах предложения, выраженных действительными причастиями. Синкретизм значений образа действия и места здесь также возможен, например: *...12-й год нанёс сильный удар коснеющей старине: вследствие его исчезли неслужащие дворяне, спокойно родившиеся и умиравшие в своих деревнях, не выезжая за заповедную черту их владений...* (Белинский).

Деепричастным оборотом собственно места В.М. Никитин назвал переосмысленное, переродившееся обстоятельство времени в результате трансформации значения от движения предмета к его положению, нахождению, например *не доходя* и *не доезжая* без значения чьего-нибудь хождения, передвижения. Ср.: *Ещё, не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды* (Пришвин) (перед Звонкой бориней); *Там, не доезжая три остановки, у вас ведь дом отдыха, меня раз туда Мария Саввишна возила, кто-то приезжал, так надо было залу убрать, посуду помыть...* (Домбровский) (в трёх остановках от чего-то). Подобный деепричастный оборот распространён в медицинско-анатомическом языке при описании изменения направления органов, сосудов, мышц, костей и т.п. (*поворачивает влево, не доходя двенадцатиперстной кишки*). Из древнерусского языка (часто в документах): *Едучи от Темникова по Чакаевской дороге, на левой стороне у дороги старая грань* (Лавр. л., 16, 1). Здесь значение места приобретено с пропуском слов *увидишь, можно увидеть*, при которых было значение времени, условия. Так от этих значений, считает учёный, деепричастный оборот через эллипсис проник в обстоятельство места. Подобное употребление деепричастия В.М. Никитин отнёс к явлениям не

языка, а речи [6, с. 230]. Другие лингвисты, однако, квалифицируют эти формы деепричастия как потерявшие связь с парадигмой глагола и пополнившие разряд производных предлогов [7, с. 712], что нам представляется более убедительным: значение дополнительного действия здесь утрачено, зато налицо синонимические отношения с другими производными предлогами (*рядом с, вблизи от* и др.). В любом случае сочетания, включающие слова *не доходя (до), не доезжая (до)*, образуют в предложении обстоятельство места (правда, в первом случае обособленные, во втором – необособленные).

В современном русском языке употребляются обособленные обстоятельства, выраженные именами существительными (особенно часто распространённые) или, реже, наречиями. Как и другие обособленные второстепенные члены, такие обстоятельства отличаются от необособленных обстоятельством большей смысловой самостоятельностью в предложении.

Обособленные обстоятельства, выраженные падежными формами имён существительных или наречиями, делятся на две группы:

1) те, которые относятся к сказуемому и квалифицируются обычно как полупредикативные или присоединительные обособленные члены; они могут выражать различные обстоятельственные отношения, в том числе пространственные. Ср.: *К ней, из недалёкой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка – муж и жена* (Тургенев); *Вдруг, где-то в отдалении, раздаётся протяжный, звенящий, почти стелющийся звук...* (Тургенев);

2) обособленные обстоятельства, которые относятся к обстоятельству или к другим членам предложения (кроме сказуемого) и служат для их уточнения или дополнительной характеристики. Обособляются уточняющие члены, то есть члены предложения, называющие более частное, конкретное понятие по сравнению с тем, которое обозначено поясняемым словом, и пояснительные обстоятельства, обозначающие то же понятие другим словом (другими словами). Ср.: *Внизу, у реки, были видны редкие яркие машины и безумные рыбаки-подлёдники, рассеявшиеся со своими сундучками на синеватом слабом льду* (Кабаков); *Городок расположен на берегу Селигера, на полуострове, напоминающем по очертаниям «сапог», на котором лежит Италия* (Архипова); *Он вышел из низов, из деревни, это были 60-е годы* (Клейн).

Уточняющие обстоятельства места могут располагаться «цепочкой», при этом последующее уточняет предыдущее. Ср.: *Анапа – самый крупный в России семейный и детский курорт – расположен в юго-западной части Краснодарского края, на берегу Чёрного моря, на стыке равнинного Таманского полуострова и гористого, покрытого лесами полуострова Абрау, на месте древнего античного города Горгиипия (Зенина)*. Уточнение или пояснение может замыкаться придаточным предложением, иногда вводимым в этот ряд контактным словом – локативным наречием. Например: *Он ничего не понимал, но сознавал, что там, в Москве, где когда-то жил народ-богоносец,*

исказили правду, свито громадное змеиное гнездо лжи, и эта ложь захватывает весь мир, отравляет его смертельным ядом разрушения (Краснов); Буря собиралась на горизонте, там, где край неба сливается с землёй и всё-таки ей противоречит (Устинова).

Уточняющие и пояснительные члены предложения отличаются от полупредикативных обособленных членов семантикой: первые лишь уточняют, конкретизируют имеющееся сообщение в какой-либо его части, вторые содержат дополнительное сообщение. Локативная семантика, выраженная обстоятельством в паре с уточняющим или пояснительным членом предложения, выражается дискретно, в несколько приемов. Благодаря этому даётся исчерпывающая характеристика места или события, направления движения.

Полупредикативные (присоединительные) обособленные обстоятельства также обладают способностью ярче необособленных выражать локативность по причине своей экстралингвистической природы: зависимости от желания говорящего акцентировать внимание на месте, направлении. Во многих случаях в одних и тех же синтаксических условиях то или иное обстоятельство может употребляться в качестве обособленного или необособленного в зависимости от того, желает или не желает говорящий подчеркнуть и выделить данное обстоятельство, чтобы обратить на него внимание, придать ему большее значение. Ср.: *Молоко коровье, сметану, творог, из деревни, с доставкой на дом в удобное для вас время* («Биржа плюс свой дом») (Н. Новгород), 09.16. 2002); *Наш прадед Моисей был крестьянином из деревни Сухово* (Довлатов).

В сфере выражения локативности нередко наблюдается синтаксический синкретизм – совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций. Это явление свидетельствует, с одной стороны, о гибкости системы членов предложения, об их способности выражать всё разнообразие явлений действительности и отношений между ними, а с другой стороны, показывает, что только типичными членами предложения нельзя передать все оттенки значений, так как не всегда однозначны сами языковые явления, с помощью которых выражаются сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности. Так, в словосочетании *поездка на море* у главного слова (отглагольного существительного) синкретично категориальное значение, двойная валентность: оно синтезирует предметность и действие, что обуславливает сложную семантику словосочетания. В данном случае совмещаются определительное и обстоятельственное значения, то есть зависимое слово выполняет одновременно и роль определения, и роль обстоятельства (в любом случае с пространственной семантикой). Ср.: *За недолгую жизнь девушка ещё ни разу не покидала хутора на длительный срок, всего лишь несколько раз была в станции, ещё не видела железной дороги, и первая поездка в город приводила её сердчишко в восторг, в смятение и*

трепет (Шолохов); *Перед выступлением Спивакова у входа в концертный зал стояли пикеты, призывавшие публику бойкотировать концерт советского скрипача, «засланного в США КГБ»* (Спивакова).

В различных условиях может быть сильнее или семантика определения, или семантика обстоятельства. Подобные члены предложения в некоторых источниках квалифицируются как «обстоятельственные определения» [8, с. 78].

Встречается и употребление термина «обстоятельственное дополнение» по отношению к предложно-падежным конструкциям, одинаково хорошо допускающим и вопрос дополнения, и вопрос обстоятельства, например у *сестры* в предложении *Я был у сестры*. По мнению В.М. Никитина, в данном случае надо говорить о конструкциях с двойным использованием. Более того, все те косвенные падежи существительного, которые соотносимы с указательными и вопросительными наречиями, составляют словосочетание с непереходным глаголом, имеют не объектное значение и выражают пространственные (или другие релятивные) отношения, надо считать, скорее, обстоятельствами [6, с. 132].

Появление таких членов предложения объясняют иногда экономией языковых средств, в результате которой оставшаяся часть берёт на себя функции опущенной, сохраняя и свою исконную функцию. Таким образом, «в словоформе сочетается старое значение с новым, появившимся в связи с установлением новых отношений. Например: *Вскоре за поворотом увидел он родной дом, прикорнувший под снегом, ёлочки в палисаднике в пушистых заячьих лапках на каждой веточке, – всё словно нежно заворожённое и оставшееся таким, каким было в детстве, когда, надъшав дырочку в застывшем стекле окна, можно было увидеть зимний сказочный мир и домики под снегом, похожие на обливные пряники* (Лидин). В словоформе *под снегом* формируется благодаря глагольной форме *прикорнувший* обстоятельственное значение места, которое сохраняется в сочетании с существительным *домики* при эллипсисе причастия. Таким образом, сохраняется значение места и приобретает значение определения при новой синтаксической связи. Аналогичное синкретичное определительно-обстоятельственное значение имеет в этом предложении и словосочетание *ёлочки в палисаднике*. В отличие от словосочетаний типа *поездка на Кавказ* в нём значение места у зависимого слова не поддержано валентными свойствами главного слова, но не почувствовать это значение невозможно: оно оправдано потребностью в выражении пространственной семантики» [там же].

Синтаксический синкретизм может проявляться в совмещении значения трёх членов предложения. Ср.: *Пар* (откуда? из чего? какой?) *из пароходных труб ложится на воду* (Паустовский). Словоформа *из труб* может быть квалифицирована как обстоятельство места, дополнение и определение.

Доминирующую функцию при синкретизме определить довольно сложно: необходимо рассмотреть

данный член предложения и его окружение с нескольких позиций: «При анализе членов предложения с нечётко выраженным значением обычно учитывается категориальное и лексическое значения сочетающихся слов, соотносительность словосочетаний разных лексико-семантических типов, возможность синонимических замен и включения в один сочинительный ряд неморфологизированных и морфологизированных второстепенных членов. Чаще всего в качестве критерия для определения преобладающего значения члена предложения используется категориальная семантика слова.

В отдельных случаях для определения функции словоформы недостаточно отдельного предложения. Вне широкого контекста она воспринимается как синтаксический ономим. Так, в изолированном предложении *И глядит шутник весёлый на людей со стороны* (Твардовский) член предложения *со стороны* может быть определён как обстоятельство места, если считать его связанным с глаголом (*глядеть со стороны*), и как определение с обстоятельственным оттенком, если отнести его к существительному (*людей со стороны*), автор употребил эту словоформу как обстоятельство при глаголе-сказуемом» [9, с. 327–328].

Нельзя не согласиться с мнением учёного и по поводу цели изучения синкретичных второстепенных членов предложения: «Отнесение той или иной словоформы к определённому разряду второстепенных членов предложения не является самоцелью. Второстепенные члены предложения – это синтаксическая категория, в которой обобщены многообразные значения словосочетаний, отражены типичные функции согласуемых, управляемых, примыкающих и свободноприсоединяемых форм различных частей речи. Выделение и изучение второстепенных членов предложения как конструктивного элемента распространённого предложения – одно из важных звеньев процесса познания функциональных свойств единиц речи» [там же].

Основополагающим в данной работе явился функционально-семантический подход, интегрирующий лексические и грамматические средства на основе общности их функций. Предметом рассмотрения стали единства, имеющие функционально-семантическую основу, что позволило осуществить многоаспектное изучение и описание исследуемого явления. При этом семантическая составляющая языковых фактов, так же как и в

структурно-семантических исследованиях, остаётся важнейшей.

Список литературы:

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры»; 1998. [Gak V.G. Yazykovyye preobrazovaniya. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury»; 1998 (In Russ).]

Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). К.: Грамота; 2004. [Rudyakov A.N. Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funktsionalno opredeleniya estestvennogo yazyka). – Kiyev: Gramota; 2004. (In Russ).]

Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М.; 2013. [Fedoseyeva L.N. Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2013. (In Russ).]

Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа; 1990. [Akimova G.N. Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. (In Russ).]

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука; 1985. [Gak V.G. K tipologii funktsionalnykh podkhodov k izucheniyu yazyka // Problemy funktsionalnoy grammatiki. Moscow: Nauka; 1985. (In Russ).]

Никитин В.М. Вопросы теории членов предложения. Рязань: РГПИ; 1969. [Nikitin V.M. Voprosy teorii chlenov predlozheniya. Ryazan: RGPI; 1969. (In Russ).]

Русская грамматика: в 2-х т./ Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М.: Наука; 1980. Т. I. [Russkaya grammatika: v 2-kh t./ N.Yu. Shvedova. N.D. Arutyunova. A.V. Bondarko i dr. Moscow: Nauka; 1980. T. I. (In Russ).]

Канонькин Н.П. Распознавание второстепенных членов предложения // «Учёные записки» Ленинградского пединст. им. Герцена. Л.; 1939. Т. 20. [Kanonykin N.P. Raspoznavaniye vtorostepennykh chlenov predlozheniya // «Uchenyye zapiski» Leningradskogo pedinst. im. Gertsena. Leningrad; 1939. T. 20. (In Russ).]

Лекант П.А. Современный русский литературный язык. М.; 1988. [Lekant P.A. Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. M.; 1988. (In Russ).]

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

INFLUENCE OF VIRTUAL REALITY ON THE SPIRITUALITY OF INFORMATION SOCIETY

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.587](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.587)

Pirnazarov Nurnazar Rahsid uli
 Master Karakalpak state University,
 Nukus city

ABSTRACT

In this article, we will examine a new understanding of spirituality in the modern information society and the impact of globalization. And also, the socio-philosophical understanding of the nature of spirituality, which is considered as a system of stable ties between man and society, as a way of organizing and existing a value principle in the content of universal human being. Acting as a universal social value and an indispensable element of socio-cultural life, spirituality is analyzed in the context of social transformations taking place in the global community. Its religious and secular interpretations, methodology and effectiveness in the cognition of two types of society are studied: consumption and creation in modern globalization.

АННОТАЦИЯ

В этой статье мы рассмотрим новое понимание духовности в современном информационном обществе и влияние глобализации. А также, социально-философское понимание природы духовности, которая рассматривается как система устойчивых связей человека и общества, как способ организации и существования ценностного начала в содержании общечеловеческого бытия. Выполняя роль универсальной общественной ценности и неперемного элемента социокультурной жизни, духовность анализируется в контексте социальных трансформаций, происходящих в глобальном сообществе. Исследуются его религиозное и светское толкования, методология и эффективность в познании двух типов общества: потребления и созидания в условиях современной глобализации.

Key words: spirituality, culture, reality, existence, spiritual existence of man, virtue, consciousness, human dimension, virtual reality, social, secular religious, worldview, consumer society, creation society, globalization.

Ключевые слова: духовность, культура, реальность, бытие, духовное бытие человека, добродетель, сознание, человекоразмерность, виртуальная реальность, социальное, светское, религиозное, православное мировоззрение, общество потребления, общество созидания, глобализация.

Science and public practice of the modern information society again and again show that the mechanisms of interaction of material and spiritual processes, objective and subjective reality continue to become more complicated. This gives rise to a wide variety of approaches to the concepts of material and spiritual, offering different theoretical principles for understanding the current stage of social development. A number of domestic researchers are trying, in particular, to give a new interpretation of the concepts of material and ideal.

In the publications of the journal *Philosophy and Society*, it was noted not so long ago that one of the common options for such a rethinking is an attempt to replace the concept of objective reality with a less meaningful one - the concept of being [1,32]. In some cases, these two concepts are completely identified. "Being," a definition is given in the course of lectures on philosophy, "is a philosophical category for designating an objective reality that exists outside and independently of a person's consciousness and mastering which a person becomes a personality" [2,296].

Attempts are being made to define matter simply as matter. Modern Orthodox thinkers urge "to help separate the spiritual truth from the chaff of the material", considering the spiritual and material from ethical, evaluative positions - both good and bad. A similar approach is found in scientific philosophy. So, in the textbook it is noted: "You can have, for example, a VCR and watch only porn movies, but this is hardly

connected with spiritual needs ..." [3,85]. According to the author's logic, it turns out that the needs that we regard negatively should be classified as material, since spiritual needs are necessarily something "very good", positively assessed.

The greatest difficulties in describing the interaction of the material and the ideal in the era of the information society are generated by the analysis of information and virtual reality. So, V. M. Lukin notes: "In the transition to information civilization, a radical change in the main resource of production occurs. This resource is information. But information is not a material, but an ideal resource" [4]. "Informational work is almost no longer determined by matter, especially material-sign matter" [5,8-9]. "Not material reasons, but informational ideal activity becomes decisive" [6,10]. The authors of the monograph "History of Informatics and the Philosophy of Information Reality" adhere to a similar point of view, referring to the main features of information as a phenomenon primarily "immateriality" [7,85]. They consider virtual reality a new kind of informational reality, which has a number of properties of "objective ideal being" and "subjective ideal being" [8,181]. We can completely agree with the conclusion of the authors of the collective work: "... virtual reality does not have its own essence, even at least relatively independent of other forms of being. Its existence is the result of the interaction and complementarity of material and ideal forms of being" [9,181]. It is this interaction that requires a more detailed philosophical analysis. The

idea of the non-materiality of information gives rise, from our point of view, to deep contradictions. At present, as in the time of V.I. Lenin, no third fundamental reality has been found besides matter and consciousness. If we assume that the information is intangible, it would have to be argued that ideal, spiritual processes take place not only in the human brain, but also on any diskette or flash drive that we use to record information. The memory of a computer system deals with material information processes that can be perceived by a person and only in his brain are truly transformed into an ideal product - knowledge.

From our point of view, the unsuccessful interpretation of information as a spiritual phenomenon and inaccurate presentation of the concept of matter are associated not only with well-known socio-political reasons - the refusal of modern Russia from the traditional Marxist dialectical-materialistic worldview and an attempt to replace it with other concepts. Deeper, more objective reasons are connected with the formation of the information society, in which the interaction between the material and the spiritual is qualitatively complicated. In modern philosophy, a crisis actually develops in the understanding of matter and its interaction with consciousness, in many respects resembling the crisis that was described by V. I. Lenin in "Materialism and Empirio-Criticism". The crisis of the concept of philosophical materialism at the beginning of the 20th century, mainly overcome by substantiating the concept of matter as an objective reality, arose as a result of the well-known crisis in physics and the socio-political processes of that era. The current crisis in the understanding of matter is caused, firstly, by the formation of a post-industrial (informational) society and, secondly, not so much by scientific discoveries, studies of nature, but by technical inventions that, based on these studies, revolutionized the processing of information (computers, computer networks, programs, etc.).

Overcoming the modern crisis requires clarification of the concepts of material and ideal, comparing them with phenomena new to scientific knowledge in which the interaction of matter and consciousness takes on the most complex forms, such as information, virtual reality, and a computer program.

The currently widespread concept of the non-materiality of information logically entails the recognition of its ideality, spirituality, belonging only to consciousness, and not to natural forms of matter in which consciousness is known to be absent. However, some grounds for convergence of information, virtual reality, on the one hand, and subjective reality, on the other, certainly exist. In this regard, we consider in more detail a computer program as a special type of reality.

The functions of the program are such that it really partially replaces the ideal mental image in the processes of management and control, models it at the material (more precisely, physical) level. The software product is becoming a fundamentally new type of artificial material objects, ensuring the functioning of a specific mechanism of interaction between the material

and the ideal. An ideal image exists only on the material substrate of the human brain. Transferring some control and management functions to technology, a person constructs a material object, which is a simplified, purely material analogue of the subject and his ideal product - thought. Such an analogue of thought - a computer program - begins to fulfill some functions of an ideal mental image, but differs from it in the main thing: it is purely material, and in modern computers it generally does not go beyond the physical form of matter.

How deep is the similarity between a computer program and a mental image?

The main features of the mental image are, as you know, ideality and subjectivity. The software product, modeling these features of spiritual social phenomena at the level of the physical form of matter, acquires similarities with the world of mental images. We propose to generalize this similarity in terms of pseudo-ideality and pseudo-subjectivity.

Pseudo-ideality. The content of the ideal image is not the properties of the material substrate of thought (brain), but the properties of an external object. The program is also created to reflect the properties of external objects and control the impact on them. But it remains a purely physical phenomenon - in contrast to the ideal image, which is the way the characteristics of any objects exist in isolation from their own natural substrate on the basis of a special, universal material substrate of the human brain [10,193]. In computer technology, with the help of which virtual reality is created, a certain universal substrate is also used - the information carrier. Any information obtained by a person can be recorded on this substrate. However, its (this substrate) universality is not absolute, as is the universality of man and his brain. The universality of the information carrier is specified and ensured by the universal cognitive activity of man and his material transformative activity, derived from them. The programmer endows the software product with some external features of the ideal form of reflection that are not found in other material objects. The program expresses the content of other material substrates and methods of human activity, carries information about them, and in an accessible and convenient form for sensory perception. This reflection occurs "with a loss of quality", since it remains a physical manifestation of an artificially constructed physical system (computer plus program). It is qualitatively simpler than the ideal image with which it is in relation to homomorphic correspondence. This is a simplified physical model of the ideal, a reflection on the physical level of human thinking, that is, a "pseudo-ideal" phenomenon.

Pseudo-subjectivity. The subjectivity of thought consists in its secrecy from outside observation, existence only for a thinking subject, inexpressibility to other subjects. If ideal formations in form (but not in content) are fully subjective, then a computer program has some external features of the subjective. It is inaccessible to sensory perception without the use of special electronic equipment. Its internal content is usually hidden and unobservable to everyone except programmers who own special codes. The subjectivity

of the ideal image is a consequence of the fundamental impossibility of transferring the internal state of the brain substrate to other substrates. The pseudo-subjectivity of the software product is a consequence of technical difficulties in deciphering its internal structure by an outside observer. Some of these technical difficulties are caused by the laws of physics, the other part is created using these laws artificially and purposefully.

A computer program is a qualitatively new type of material objects created by man in the framework of the "second nature" (technosphere, noosphere) at the post-industrial stage of social development. In terms of its functions and external manifestations, the program stands closer to human thinking than all other components of the technical production system. Other parts of the technical system must be coordinated mainly with the physical, even mechanical capabilities of a person, and a computer program - already with the capabilities of his psyche. The program extends the path from the ideal image to its materialization in the process of labor, as at the dawn of human history a mechanical tool lengthened the path from a person to an object of labor. Now, when creating a product of labor, the ideal image materializes in it not directly and directly, but through an additional link - a computer program

as a thought-like, pseudo-ideal, pseudo-subjective material image (construct). Only thanks to the program, a new class of ideal constructs becomes possible that will create whole spheres and areas of work. These are space exploration and nuclear energy, new information management and transmission systems, the Internet economy, home-based technology of highly qualified information specialists, etc.

Thus, virtual informational reality is a combination of special material processes that are more precise, finer, more detailed than any other material processes known now, they model spiritual phenomena due to their pseudo-ideality and pseudo-subjectivity. Virtual reality was created by man as an artificial modification of objective reality, a material mediator, which made it possible to improve the effect of consciousness on matter. The ideal, in the figurative expression of K. Marx, is material, transplanted into a human head and transformed in it [11,21]. The virtual, also figuratively expressed, is ideal, embodied in special material structures that allow the use of more advanced technologies for materializing the ideal through new forms of labor that arise in the information society (information, scientific, universal). It can be assumed that the interaction of objective and subjective reality will develop along the path of complication due to the formation of mediating links that will more fully reflect the processes of one reality in the language of another. This is not only knowledge, but also the formation of new layers of material and spiritual reality as a result of labor activity.

The level of development of science at the beginning of the XX century allowed V. I. Lenin to formulate the only essential feature of matter - "to be an objective reality", that is, to exist before, outside and

independently of subjective reality, to exist on its own substrate, according to its own laws, not to depend on anything external, to be, as a Spinoza substance, the cause of itself. In Russian philosophical literature, an approach was substantiated, according to which all the numerous signs and properties of matter should most correctly be considered as a manifestation and disclosure of the content of the "property" "to be an objective reality", and not as independent, separate properties that supposedly complement the latter. All the characteristics of matter, taken beyond the concept of objective reality, "supplementing" it, excluded from its content, thereby fall into the sphere of subjective reality, since there is no more "third" reality in the world [12,31-35]. "The essence of the matter is that the material world confronts its integral and single essence only to consciousness as its universal and universal opposite and product. Therefore, any other paths to knowing this essence are illusory and ineffective." [13,35]. Objective reality does not develop, of course, from "less objective" to "more objective" - any form of matter equally possesses this fundamental "property" (more precisely, essence). At the same time, objective reality does not remain unchanged - it goes through an endless sequence of the main stages of development, of which four are now known to us: physical, chemical, biological and social forms of matter. These forms of matter and the laws of their interaction have been studied quite extensively over the past two hundred years, both in the concrete scientific and philosophical aspects (the works of G.V. F. Hegel, F. Engels, Russian philosophers of the 20th century B. M. Kedrova, V.I. Svidersky, A.A. Butakov, V.V. Orlov, etc.). At the turn of the XX - XXI centuries. V. I. Lenin's prediction about the possibility of discovering new, "outlandish" forms of objective reality was confirmed. Among them were not only little-studied areas of the microworld, but also virtual reality. It was the creation by man of a new type of reality - virtual reality - that made the question of the development of forms of objective reality and the development of its relationship with subjective reality even more urgent.

Formulating the concept of matter, V.I. Lenin naturally had to emphasize its unity and the main essential feature - to be an objective reality. Matter always has this attribute, although it is revealed only when it is compared with consciousness. Modern science and social practice allow us to pose the problem of a more detailed description of the structure of objective reality in its development: what forms of objective reality exist and how is the relationship of each of these forms with subjective reality built? The study of this problem is not only a deepening of theoretical ideas about the connection of matter and consciousness, but also a prerequisite for understanding the complex mechanisms of interaction of the subjective factor and the objective laws of development of modern society.

The idea of the structure of objective reality is quite simply reconstructed based on the well-known fundamental concepts of modern science. In objective reality, first of all, we can distinguish natural reality, which includes the basic forms of matter in nature

(physical, chemical and biological) and social objective reality. Social objective reality is usually divided into society as such (people themselves, their material abilities, needs, relationships) and nature transformed by man (it is called the noosphere, technosphere, anthroposphere, "second nature"). It seems to us that several decades ago, as a result of the information revolution, nature transformed by man began to stratify into two different forms of objective reality. One of them can be conditionally called "subject", "classical" or "traditional" (the terminology in this case has not yet been formed), the other - virtual. The difference between objective and virtual reality remotely resembles the difference between material and spiritual. Object reality consists of things created by human labor, objects that satisfy human needs directly by their natural (or socially transformed) properties. Virtual reality is formed by computer programs, information with the properties of pseudo-ideality and pseudo-subjectivity. It is a source of communication signals.[14,55], is created to materialize in a visual form ideal images and does not possess all the natural (for example, physical) properties of objects and processes that this reality reproduces (models). The physical objects and processes that form virtual reality were purposefully coordinated, linked to mental, spiritual processes and the capabilities of the human psyche. Therefore, in their structure and content, they are more similar to subjective reality than any other forms of objective reality existing in nature or created by man.

The development of objective reality consists not only in its phased complication, but in the ability to generate consciousness and a person (in a more categorical version they say - focus on a person). Therefore, in philosophy, attempts are made to describe the attitude to subjective reality, not only of objective reality as a whole, but also of its individual historically emerging forms. Let us try to briefly outline the main stages in the evolution of this relationship.

Objective reality as a whole is primary, exists before, outside and independently of subjective reality. This general formulation describes the necessary, but only the most abstract content of the concept of philosophical materialism. "Due to the infinity of the world, the content of its existence independent of consciousness cannot, obviously, ever be completely studied. Thus, the objectivity of the external world turns out to be an inexhaustible problem, and its solution must be filled with new substantial content with the discovery of each new way of independent existence, a new form of external reality"[15,20]. What new and specific does each of the known forms of objective reality bring to its mode of existence?

Natural reality is known to us by the basic forms of matter. They exist before consciousness and are capable of full-fledged independent development even before the appearance of subjective reality. Their connection with the latter is expressed in the creation of conditions for the emergence of consciousness. The two main philosophical concepts that describe this form

of communication are the theory of reflection and the anthropic principle. Reflection is a property of all matter, essentially related to sensation.[16,91], - develops from simple to complex species and gradually forms material prerequisites for the emergence of the ideal. The anthropic principle reveals the deep kinship of two fundamental realities in another aspect. The whole history of nature can be considered as preparation (of course, not realized by anyone) for the generation of subjective reality, and for all the infinite time of its development, not a single event has occurred that makes the appearance of consciousness impossible. "The universe (and therefore the fundamental parameters on which it depends)," says B. Carter, who proposed the anthropic principle, "should be such that observers are allowed to exist in it at some stage of evolution"[17,373].

It has already been noted above that social objective reality is usually understood as the unity of two fundamentally different areas. First, societies as such, that is, communities of people, "living human individuals"[18,19], as expressed by K. Marx. Secondly, it is nature, transformed by man and transformed into the world of objects that satisfy his needs, the so-called "second nature". Society as such, living human individuals, is the only form of objective reality known to us that can generate subjective reality and continuously interact with it. There is no direct contact between objective and subjective reality outside society as such (if you do not take into account the simple forms of the psyche and ideal mental images in higher animals). The connection of the "second nature" with subjective reality is more complex and indirect. It is usually believed that in it there is an interaction of the object laws of natural reality in no way connected with consciousness and social laws that manifest themselves only with the participation of subjective reality, human consciousness (although these laws are not always fully recognized by a person).

Finally, virtual objective reality is most complexly connected with subjective. This connection, from our point of view, includes the following main points.

First, virtual reality is part of objective reality and, in this sense, is the opposite of subjective reality.

Secondly, virtual reality is constructed from material components (magnetic carriers, charged physical particles) in the course of conscious human activity. It is structured and filled with content defined by subjective reality.

Thirdly, virtual reality describes by material technical means only the content of objective natural and social reality, which had previously been transformed into the content of consciousness and expressed in ideal form by means of subjective reality.

Fourth, the connection of virtual reality with consciousness is also expressed in the fact that its objects acquire the properties of pseudo-ideality and pseudo-subjectivity, simulating subjective reality and receiving an external resemblance to it, more significant than any other forms of objective reality known now.

Fifth, the formation of virtual reality leads to the complication of subjective reality. The possibility of a

more complete materialization of ideal images using the technical means of virtual reality gives consciousness, figuratively speaking, broader support in the material world. The purposeful influence of consciousness on the material world, mediated through the material body of a person, becomes thinner and more perfect due to the opportunity to develop more complex target images, a tree of goals and faster, with more effective feedback materialize these goals.

Sixth, virtual reality causes significant, possibly revolutionary shifts in public consciousness, which have not yet been completed and cannot yet be finally evaluated. This is a qualitatively higher level of awareness and accessibility of information, changing the psychology of communication, creating new channels for the relationship between people. The development of these channels forms a modern personality type with new features of sensory perception and abstract thinking, which still needs to be studied by the methods of psychology, sociology, cultural studies and other sciences.

Thus, in the era of the information society, it becomes completely clear that the relation of objective and subjective reality, matter and consciousness is not limited to the simplified understanding of the relation of primary - secondary. Each historically emerged form of objective reality is associated with consciousness in its own way, specific to it. A philosophical analysis of modern society requires revealing the specifics of these ways of connecting material and spiritual - both in the case of virtual reality, and when considering the increasingly complicated relations of subjective and objective factors in economics, politics and culture.

References:

- 1.Orlov V.V. «The problem of matter in modern Russian philosophy» Philosophy and Society. - 2010. - No. 3. p-32.
- 2.Masloboeva O.D «Philosophy for students of economic universities», 2006 p-296.
- 3.Chernikov, V. G. «Man and his needs: studies» Collec . - Rybinsk, 2003 p- 85.
- 4.Lukin, V. M. «Can materialism explain the essence of the information society? The problem of materialism in social philosophy»: Sat. Art. dedicated to the 70th anniversary of Professor of St. Petersburg State University P.N. Khmylev V. M. Lukin. 2008 p-5.
- 5.Lukin, V. M. «Can materialism explain the essence of the information society? The problem of materialism in social philosophy»: Sat. Art. dedicated to the 70th anniversary of Professor of St. Petersburg State University P.N. Khmylev V. M. Lukin. 2008, p-8–9.
- 6.Lukin, V. M. «Can materialism explain the essence of the information society? The problem of materialism in social philosophy»: Sat. Art. dedicated to the 70th anniversary of Professor of St. Petersburg State University P.N. Khmylev V. M. Lukin. 2008, p-10.
7. Chernikov, V. G. «Man and his needs: studies» Collec . - Rybinsk, 2003, p-85.
8. Chernikov, V. G. «Man and his needs: studies» Collec . - Rybinsk, 2003, p-181.
- 9.Chernikov, V. G. Decree. P-181.
10. Orlov, V.V. «Psychophysiological problem», Philosophical essay. - Perm, 1966 p-193.
- 11.Marx, K. «Capital» P-1, K. Marx, F. Engels, M., 1960 p-21.
- 12.Orlov, V.V. «Matter, development, man». 1974. P-31–35.
13. Orlov, V.V. «Matter, development, man». 1974, p-35.
14. Antonova, O. A., Soloviev, S. V. «Theory and practice of virtual reality: logical and philosophical analysis», 2008 p-55.
- 15.Orlov, V.V. «Matter, development, man» - p-20.
- 16.Lenin, V. I. «Materialism and empirio-criticism» p- 91.
17. Carter, B. «The coincidence of large numbers and the anthropological principle in cosmology» Cosmology. Theories and observations. M., 1978. P-373.
- 18.Marx, K. «German ideology» M., 1955. p-19.

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА И НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯDOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.586](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.586)*Алишерова Чолпон Базарбековна**кандидат философских наук, доцент кафедры**Государственного языка общественных наук,**Кыргызский государственный университет геологии,**горного дела и освоения природных ресурсов**Кыргызская Республика, г.Бишкек***THE PROBLEM OF THE NATURE AND DIRECTION OF THE CULTURAL-HISTORICAL MOVEMENT.***Alisherova Cholpon Bazarbekovna**Candidate of Philosophy, Associate Professor**of the Department of the State**Language and Social Sciences,**Kyrgyz State University of Geology,**Mining and Natural Resources Development**Kyrgyz Republic, Bishkek***АННОТАЦИЯ**

Освещено решение проблемы характера и направления культурно-исторического движения. Рассмотрены разные варианты, концепции. Затронуты культурологические концепции Ф.Шиллера, Гердера и других. Подробно раскрываются взгляды на логику развития культурно-исторического процесса представителей советской культуры. Выделены типы эволюционных концепций культуры такие как, однолинейная эволюция есть рассмотрение истории культуры как последовательного развития различных систем (религии, нравов, хозяйства и др.) с выделением в нем общих стадий (Э. Тайлор, Дж. Фрейзер, Л. Леви-Брюль).

Вторым типом эволюционного понимания логики культурно исторической динамики является теория универсальной эволюции. Суть ее состоит в признании самобытности развития различных этнокультур, отрицания общих стадий и общей схемы движения, но цель и смысл его понимается сторонниками ее различно. Сторонниками это теории являются Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, В. Соловьев, К. Ясперс, Б. Малиновский и др. В их концепциях заключена идея культурной эволюции человечества, идущего разными путями к некоторому единству, идея полифоничности мировой культуры и признания равноценности всех ее составляющих.

Третий тип эволюционного учения о культуре - теорий многолинейной эволюции. Во взглядах представителей этой теории (Р.Бенедикта, М. Херсковица и др.) утверждается полимерность социокультурного пространства, самоценность разных типов и моделей культуры.

Таким образом, в статье даны основные концепции, предлагающие оригинальные решения одной из важных проблем в философии культуры - проблемы логики культурно-исторического движения. Сейчас, в период бурного социального ритма развития производственной и внепроизводственной деятельности прогнозирование изменений в пространстве становится особенно важным. Учет многочисленных технических и социальных последствий научно-технической революции выдвигают требования, связанные с пространственным прогнозом.

ANNOTATION

This article highlights the solution to the problem of the nature and direction of the cultural and historical movement. Different options, concepts are considered. The cultural concepts of Schiller, Herder and others are affected. View on the logic of the development of the cultural and historical process of representation of Soviet culture are revealed in detail. The types of evolutionary concepts of culture, such as single-line volition, are a consideration of the history of culture as the sequential development of various systems (religion, morals, economy e.t.c.) with the identification of general stages in it (E.Taylor, J.Fraser, L. Levy-Bruhl). The second type of evolutionary understanding of the logic of cultural-historical dynamics is the theory of universal evolution. Its essence is to recognize the identity of the development of various ethnic cultures, the denzal of the general stages and the general scheme of movement, but the purpose and meaning, of it is understood by its supporters differently. Supporters of this theory are N.Ya Danilevsky, A.Toynbee, V.Solovyov, K. Jaspers, B. Malinsky and others. Their concepts include the idea of the cultural evolution of mankind, going in different ways to some unity, the idea of polyphonic world culture and recognition the equivalence of all its components.

The third type of evolutionary doctrine of culture is theories of multilinear evolution. The views of the representatives of this theory (R.Benedict, M. Herskovitz etc.) affirm the polymerization of the sociocultural space, the intrinsic value of different types and models of culture.

Thus, the article gives the basic concepts that offer original solutions to one of the important problems in the philosophy of culture the problems of the logic of the cultural-historical movement. Now, in a period of rapid social rhythm of the development of production and non-production activities, the forecasting of changes in space

is becoming especially important/ Taking into account the numerous technical and social consequences of the scientific and technological revolution put forward requirements related to spatial forecasting

Ключевые слова: пространство, культура, киберпространство, планета, цивилизация, глобализация, искусственная среда, прогресс, концепция, культурология.

Key words: space, culture, cyberspace, planet, civilization, globalization, artificial environment, progress, concept, culturology.

Решение этой проблемы имеет разные варианты, разные концепции.

В эпоху Просвещения идея креационизма была вытеснена теорией исторического прогресса, согласно которой развитие культуры рассматривалось как триумфальное шествие разума, как поступательное

движение в разумном освоении человеком мира и совершенствовании самого человека как субъекта этой деятельности. Но уже Ж.-Ж. Руссо высказал сомнение в культурном могуществе разума, утверждая, что развитие культуры противоречиво и неоднозначно.

В культурологических концепциях Ф. Шиллера и И. Гердера также присутствует неуверенность в абсолютном характере культурного прогресса.

Воззрения XIX века на культурно-исторический процесс как на поступательное движение, в ходе которого меняются и совершенствуются формы свойств человека (культура), а на каждую его стадию как на преходящую и подготавливающую новую, более совершенную, завершили гегелевская философия духовной истории, контовская теория стадийного развития познания и теория социокультурного прогресса К. Маркса, повлиявшая, в значительной мере, на взгляды советской культурологии.

Однако в советской культурологии имели место и другие взгляды на логику культурно-исторического процесса, отличающиеся различным подходом к культуре.

Так, например, в понимании В.М. Межуева проблема культуры раскрывается как проблема изменения самого человека, в понятие культуры входит только то, что способствует культурному становлению человека. Подобное понимание культуры содержится и в работах А.И. Арнольдова, Л.С. Злобина, Л.Н. Когана и др.

С иных позиций рассматривают теорию культурного прогресса В.С. Библер, Л.Н. Гумилев. Так, например, позиция Л. Н. Гумилева в вопросе логики развития культуры близка к теории цивилизационных циклов А.

Тойнби. Культурологическая теория М.К. Петрова основана на концепции многолинейной эволюции.

Таким образом, в советской марксистской философии также развивались взгляды, отвергавшие теорию прогресса применительно к динамике культуры.

На Западе теория социокультурного прогресса нашла отражение в ряде технократических концепций, например, Л. Мемфорда и Х.Шельски . Эволюционная трактовка культурно-исторического процесса шире представлена в

культурологии XIX - XX веков. Так, можно выделить три типа эволюционных концепций культуры.

Однолинейная эволюция есть рассмотрение истории культуры как последовательного развития различных систем (религии, нравов, хозяйства и др.) с выделением в нем общих стадий (Э. Тайлор, Дж. Фрейзер, Л. Леви-Брюль).

Вторым типом эволюционного понимания логики культурно исторической динамики является теория универсальной эволюции. Суть ее состоит в признании самобытности развития различных этнокультур, отрицания общих стадий и общей схемы движения, но цель и смысл его понимается сторонниками ее различно. Сторонниками этой теории являются Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, В. Соловьев, К. Ясперс, Б. Малиновский и др. [1]. В их концепциях заключена идея культурной эволюции человечества, идущего разными путями к некоторому единству, идея полифоничности мировой культуры и признания равноценности всех ее составляющих.

Третий тип эволюционного учения о культуре - теорий многолинейной эволюции. Во взглядах представителей этой теории (Р.Бенедикта, М. Херсковица и др.) утверждается полимерность социокультурного пространства, самоценность разных типов и моделей культуры.[2].

Во второй половине XX века сформировался новый взгляд на культурно -исторический процесс. Так, А. Вебер разделил этот процесс на «цивилизационный», выражающийся в поступательном развитии науки и техники, «социальный» - прогресс в хозяйственной и политической жизни и на культуру - сферу душевно-духовных объективаций (искусство, религия, философия). Вебер считал, что развитие культуры в истории носит характер изменения, просто движения, у которого нет закономерностей и в процессе истории формируются и сменяют друг друга замкнутые культуры.[3].

Вопрос о необходимости изменения парадигмы культурно- исторического мышления остро поставил О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы». Шпенглер отрицает эволюцию человечества и его культуры, так как рассматривает человечество как единую органическую систему, биологический вид, качественное изменение которого есть перерождение. Поэтому у Шпенглера локальные культуры умирают, а история не имеет цели.[4].

Во второй половине XX века в культурологии все большее признание получает идея синхронного существования различных исторических типов культуры. В частности, П. Сорокин, выделив три основных типа культуры, утверждал, что они не

только сменяют друг друга, но могут сосуществовать в качестве доминирующей и побочной в рамках одной социокультурной системы. Культурно-историческое движение, по Сорокину, носит круговой характер, три универсальных типа культуры периодически сменяют друг друга и неизменно воспроизводят присущие им черты. [5].

Кризис самосознания европейской культуры привел к появлению новых взглядов на характер культурно-исторического движения.

Известный нидерландский историк и культуролог Й. Хайзинга, оценивая духовную ситуацию своего времени (30-е годы), пришел к выводу, что «движение культуры должно содержать возможность и обращения, и возвращения, а именно в том случае, когда это касается признания или нового обретения вечных ценностей...» [6].

Р. Гвардини вообще не использует понятий «развитие», «прогресс» применительно к истории культуры. Культурно-исторический прогресс для Гвардини это - «изменение», «перестройка», «возникновение» и «исчезновение», «обретение» и «потери». Культурно-исторический процесс, согласно Гвардини, это изменение человека, способа его существования, осознания им себя в мире. Понимание культурной эволюции как модификации человека в истории получает все большее признание. Человечество в XX веке осознало тот факт, что социокультурное движение противоречиво, что расцвет и прогресс одних способностей и свойств человека сопровождается угнетением и деградацией других, развитие одних сторон социокультурной реальности происходит за счет регресса других.

В поиске новых ориентиров утвердилось признание разнонаправленности и разнохарактерности движения культур, плюрализма пространственно-временных культурных континуумов, синхронного существования различных типов культуры.

Несмотря на огромное количество теорий, вопрос о логике культурно-исторического процесса остается открытым.

Таким образом, обобщая результаты философских изысканий в области культурологии XX века, можно сделать следующие выводы:

1. Законы динамики культуры можно охарактеризовать не как эволюционные, а как модификационные: не развитие, а изменение человека в истории с потерями и приобретениями, с прогрессом одних аспектов и деградацией других.

2. Характер исторического движения культуры не является «постоянным», он может быть циклическим, прогрессивным, принимать вид многолинейной эволюции, в определенных исторические периоды в разных социокультурных регионах могут осуществляться разные типы движения культуры.

3. Степень сходства и различия этнокультур также является непостоянной и зависит от множества факторов, среди которых тип

культурно-исторического движения, характер взаимодействия этнокультур, социально-экологические условия.

Интересной представляется точка зрения кандидата философских наук Т.В. Казаровой на логику культурно-исторического движения как на вероятностную, виртуальную. [7]. Виртуальность культурно-исторического процесса она раскрывает следующим образом:

В ш «определенное состояние культуры, некий исторический и

- этнический ее тип является не единственно, а наиболее возможным

- при определенных(пространственно-временных,

- психофизиологических, социально-экологических и др.) условиях;

- у виртуального движения нет постоянного направления, оно складывается под давлением синтетической причины, целой системы факторов и периодически меняется;

- при всех известных параметрах и факторах, детерминирующих изменение культуры, всегда есть фактор «х», поэтому перспективу движения точно предсказать невозможно;

- виртуальность движения не исключает стабильность связей системы, в данном случае человечества, поэтому «границей» движения социокультурной реальности являются родовые (универсальные) свойства и признаки человека;

- каждое конкретно-историческое состояние культуры (исторический тип) есть не стадия или ступень, а вариант. Поэтому о мировой культуре и ее истории можно говорить, как о проигрывании или развертывании, осуществлении вариантов человека»[8].

Итак, таковы на сегодняшний день основные концепции, предлагающие оригинальные решения одной из важных проблем в философии культуры - проблемы логики культурно-исторического движения. Сейчас, в период бурного социального ритма развития производственной и внепроизводственной деятельности прогнозирование изменений в пространстве становится особенно важным. Учет многочисленных технических и социальных последствий научно-технической революции выдвигают требования, связанные с пространственным прогнозом.

Литература:

1.Петров М. К. Язык, знак, культура. - М.: Наука, 1991. - С. 7.

2.Наука о культуре: итоги и перспективы. - М., 1995. - Вып. 6. - С. 5.

3.Казарова Т.В. Проблема логики культурно-исторического движения: варианты решения //Наука о культуре: итоги и перспективы. - М., 1995. - Вып. 6. - С. 5.

4.Казарова Т.В. Проблема логики культурно-исторического движения: варианты решения // Наука о культуре: итоги и перспективы. - М., 1995.

- Вып. 6. - С. 9.

5.Шпенглер О. Закат Европы. - М.: Мысль, 1993. - С. 151.

6.Хейзинга Й. Homo jdenz. - М.: Прогресс, 1992. - С. 18.

7.Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. - 1990. - № 4. - С. 19.

8.Казарова Т.В. Проблема логики культурно-

исторического движения: варианты решения // Наука о культуре: итоги и перспективы. - М., 1995. - Вып. 6. - С. 9.

9.Казарова Т.В. Проблема логики культурно-исторического движения: варианты решения // Наука о культуре: итоги и перспективы. - М., 1995. - Вып. 6. - С. 9.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (71)/ 2020

2 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ;

www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия